

7Я

СЕМЬЯ И

11. 2010

ШКОЛА

Волшебство
мира кукол

страница

12

Буквы надежды

страница

10

Поколение

next

страница

11

Игры возле ёлки

страница

37

журнал для родителей

Фото Елены Боковой

7А

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Журнал
для родителей

Основан
в 1871 году
Возобновлён
в 1946 году

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:

Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),

Л. А. Комарова
(художественный
редактор),

Н. С. Мавлевич
(школа и общество),

Л. Ф. Осипова
(культура),

В. А. Рыбаков
(развитие
и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Т. К. Чулкова

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала «Семья и школа»
Свидетельство о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7, строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО «Орден Трудового Красного
Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 город Чехов Московской области
e-mail: marketing@chpk.ru
Сайт: www.chpk.ru
Телефон: 8 (495) 988-63-87
Факс: 8 (496) 726-54-10

№ 11 (ноябрь) 2010
Подписано в печать 1 ноября 2010 года.
Формат 60 × 90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 5900 экз. Заказ

В розничной продаже цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2010

На обложке:
фото Вл. Воронова

В номере:

Советы и рекомендации

Елена Никитина
Поколение пехт
5

Откуда берется «поколение пехт»?
Да это мы, предыдущие поколения,
его сначала порожаем, потом рас-
тим... И при этом очень стараемся

Борис Бим-Бад
**Кукольный театр,
настоящий и самодельный**
12

Философия, психология
и педагогика кукольных театров
достойна всяческого внимания

Кристоф Андре
Вести дневник...
18

Беритесь за дневник, только если
убеждены в его необходимости
и чувствуете себя готовым. При-
творяться — дело бессмысленное

Повод к размышлению

Портрет подростка
2

Беседа с В. С. Собкинским,
директором Института социологии
Российской Академии образования

Вокруг развития и воспитания
6

Новое о хорошо знакомом
и еще не знакомом

Юлия Корчагина
Мама — главное слово
11

Из цикла «Трудные взрослые»

Чтение

Валерия Бычкова
ЭКО — буквы надежды
8

Понятие семьи в современном об-
ществе становится более размытым.
Неизменным, наверное, остается
одно — в семье должны быть дети

Наталья Ванханен
Искусство; Дети индиго
14

Два рассказа

Лия Осипова
Обыкновенная история
20

Выставка «Петр Кончаловский.
К эволюции русского авангарда».
Кончаловский не относится
к художникам неизвестным,
забытым и вновь открываемым.
Он считался классиком советской
живописи, да и остался им

Фрида Вигдорова
Девочки (дневник матери)
22

Продолжаем публикацию книги
замечательной писательницы,
педагога, публициста

Мариэтта Чудакова
В пятом углу
28

О книгах Израила Меттера

Наталья Мавлевич
Профилактика амнезии
30

В книге «Смуты и институты. Государ-
ство и эволюция» Егор Гайдар обра-
щается не к специалистам, а ко всем,
кому важно разобраться в современ-
ной отечественной истории

Валерий Рыбаков
**«Не могу понять, отчего это
у нас продолжает твориться»**
32

К столетию со дня смерти
Льва Николаевича Толстого

Домашние занятия

Кухня: к праздничному столу
36

Игры возле ёлки
37

Ряд районных и сельских библиотек в нескольких регионах
России получают журнал благодаря финансовой поддержке
Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Портрет подростка

У каждого из нас есть свой взгляд на подрастающее поколение, но какая его часть входит в наше поле зрения? Наши дети, их одноклассники, незнакомые ребята на улице — этого мало, чтобы понять, что происходит сегодня с теми, кто завтра станет взрослыми. Есть, однако, людей, чей взгляд гораздо шире, а мнение основывается на кропотливых многолетних исследованиях. Мы выбрали для беседы едва ли не самого компетентного специалиста — Владимира Самуиловича Собкина, академика Российской Академии образования, директора Института социологии образования, и обратились к нему с рядом вопросов.

— Мы часто сокрушаемся: дети стали хуже, глупее, черствее... А потом эти дети вырастают во взрослых и ругают следующее поколение: бесчувственное, безыдейное, жестокое... Вы много лет проводите социологические исследования подростков. Можно ли проследить, как менялся портрет подростка на протяжении этого времени, есть ли какие-то устойчивые тенденции этих изменений?

— Подростковый возраст — это возраст самоопределения и поисков себя, возраст формирования идеалов и планов на будущее. В начале девяностых годов эти поиски происходили в ситуации ценностно-нормативной неопределенности. Резко менялись нормы, идеологические ориентиры; вся обстановка, в которой происходило освоение культуры и социализация подростков, была неустойчивой. Для многих детей пример родителей-челноков с высшим образованием не мог служить ориентиром на пути к социальному успеху. Своеобразный политический, ценностный контекст этого периода, конечно, отличался от контекста второй половины девяностых, когда обострилось и стало отчетливым противостояние демократии и авторитаризма. У нынешнего периода свои особенности, движение к авторитаризму укрепляется, происходит идеологическое «упорядочивание». Можно по-разному относиться к этим процессам, но они происходят. Все эти политические и идеологические изменения проецируются на молодое сознание. В середине девяностых я провел исследование, связанное с политической ориентацией подростков, на основе которого была написана книга «Старшеклассник в мире политики». Так вот, тогдашний подросток был ориентирован на демократические ценности, открытость государства. А другой опрос школьников, сделанный в 2005 году, через десять лет, показал совсем иную картину: политическую апатию, уход от интереса к политической реальности. Я сейчас говорю только об одной, идеологической стороне, чтобы показать, как прорабатываются, проживаются и отражаются в подростковой среде изменения в этой области. Подростка нельзя рассматривать изолированно от других поколений и их отношения к реальности. Когда мы говорим о подростке семидесятых, девяностых, двухтысячных, то должны иметь в виду то, что Лев Семенович Выготский обозначал как социальную ситуацию развития, то есть отношения подростка со своим социальным окружением.

В начале девяностых под моим руководством был проведен опрос 5000 школьников, родителей и учителей в Москве и Амстердаме, по 2500 респондентов там и здесь. В анкете было много вопросов: о ценностях, о планах на будущее, об отношении к образованию. И вот, когда я стал сопоставлять модели идеальной личности для московских и амстердамских подростков, они оказались очень похожими. Этот факт оказался для меня неожиданным. Как же так? Дети читают разные книжки, учатся по разным программам, а ценности у них одинаковые:

самореализация, достижение успеха. Хотя вообще-то это психологическая характеристика подросткового возраста: желание, чтобы всё было в норме: хорошая семья, успешная работа. Зато очень различались по этим показателям взрослые. В Амстердаме они ориентированы на критичность и ответственность, и на это же направлен их контакт с детьми, они как бы «тянут» их от «нормативности» к «ответственности и критичности», а у нас, напротив, — к «коммунитарности», к представлениям о том, что общие интересы выше личных. Это говорит о том, насколько важна целостная картина отношений подростка с миром взрослых.

Второй важный для динамики образа подростка момент — общая культурная среда. Например, картина того, что читают старшеклассники.

— За последнее время появилось много хороших, умных книг для подростков, затрагивающих очень актуальные, в том числе прежде запретные темы. Правда, в основном они переводные. Российских книг, где всерьез обсуждались бы, скажем, общественные проблемы, не густо. Пишут-то взрослые, а они еще не отошли от советской насильственной идеологической кормежки, вливаний прописной морали. Старших тошнит, а младшие остались идейно недокормленными.

— Одно дело, что книги пишутся и издаются, а другое — читаются ли. Я вот уже больше тридцати лет провожу социологический мониторинг детского чтения и вижу, что произошло резкое снижение статуса чтения в подростковой субкультуре. Если в девяностые годы около 30 процентов опрошенных отмечали чтение литературы как значимое для себя занятие, то сейчас — около 7 процентов. Фантастическое падение за тридцать лет! Тогда старшеклассник прочитывал три-четыре книги в месяц, а за год — около сорока. А сегодня — десяток книг за год! Каков его читательский опыт, его багаж? Конечно, это влияет на формирование идеалов, образцов, норм. Вот вы упомянули о морали. А в литературе с моралью не все так однозначно. Тот же Выготский при анализе басни писал, что это сложное переживание. Возьмите Муравья из басни «Стрекоза и Муравей» — он что, позитивный? «Ты все пела, это дело, так поди же попляши!» — жестокая, гадкая позиция. Муравей, который гонит погибать на морозе несчастную Стрекозу, — морален, но отвратителен с нравственной точки зрения. В литературе нет вопросов с однозначным ответом, в этом-то вся ее прелесть. Через искусство человек осваивает образцы нравственного поведения, а не морального. А нравственность безусловна и узнаваема. В сегодняшнем культурном контексте не хватает именно нравственных образцов. Морализировать мы умеем, но нравственные категории: чести, достоинства, служения — а не службы, что, как говорится, «большая разница!» — во многом утрачены. Нравственная сторона в разговорах с молодым поколением не должна исчезать из образования. По вашим

словам, мы наелись морали... Я думаю, человек, который кончал школу, как я, в середине шестидесятых, мог иметь довольно отчетливое представление о нравственности, хотя бы потому, что читал «Капитанскую дочку». Эпиграф к этой повести — «Береги честь смолоду» — не устаревающий девиз, только надо пережить вместе с Гриневым ситуацию выбора между нравственным и моральным поведением. Собственно, об этом вся школьная программа по литературе. Другое дело, если мы начнем спрашивать, в каком платье была Татьяна, — это деформирует смысл преподавания литературы в школе как формирования способности понимать других и себя и делать нравственный выбор. А что касается морали в идеологическом плане, то нормальный школьник, который читал «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, мог сделать перенос на окружающую действительность. А уж в театр Юрия Любимова сходить или в «Современник» — так там все про нас. В этом сочетании текста и подтекста была и сложность, и глубина. Теперь же необходимость

«двоемыслия» отпала, что, разумеется, хорошо, но все стало более простым и плоским. Беганье с пистолетами-автоматами на телеэкране, мельтешащие люди, быстро говорящие, не делая паузы, — все это говорение, но не мышление. Помните, у Высоцкого? «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!» Понятно, что песня не про это, но сама фраза очень подходит. Или у Галича: «Нам не надо скорой помощи, дайте медленную!»

— Но школьная программа не сильно изменилась, там и «Капитанская дочка» по-прежнему есть. И вопросы морали и нравственности не ушли.

— Это прекрасно, что программа не сильно меняется. Такова ее задача: не меняться, как ветер подует, а сохранять нечто неизменяемое. Базовый компонент образования — он как раз и определяет то культурное пространство, которое дает нам возможность говорить со своими детьми, находясь в общем слое смыслов. Мы можем здесь «зацепиться» друг за друга. Если это убрать, заменить новыми текстами, то про «Гарри Поттера» я, пожалуй, со своей внучкой не поговорю, мне это сложно, я этого не прожил и не пережил. В принципе это мои проблемы и я как взрослый должен их решать, интересуясь тем, что читает ребенок. Но все же про «Капитанскую дочку» или про «Героя нашего времени» мы разговаривать можем, поскольку это прожито мной, а сейчас и она начинает проживать. Я опять вспомнил Выготского, его тезис: либо школа плетется за жизнью, идет у нее в хвосте, либо опережает и задает ребенку «зону ближайшего развития». Сравните неопределенность и светливость поведения в современной информатизированной среде, и школу, которая отобрала и хранит культуросообразное содержание. Как ни парадоксально, но, удерживая прошлое, не очень торопясь его обновлять, школа идет впереди общества. Вот говорят: знания стремительно обновляются, а школа — такой неповоротливый институт, не успевает за современной картиной мира, отстает. С одной стороны, да, все быстро и существенно обновляется, особенно в естественных науках, но принцип рычага в механи-

ке не изменился. А уж в человеческой этике! Есть Ветхий и Новый Завет, по которым люди живут тысячи лет, и ничего нового там особенно не прибавляется. Вот школа и удерживает некое ценностное ядро. Хотя каждая новая власть на новом этапе что-то привносит в гуманитарное образование, ведь школа — плацдарм властных отношений. Замечательный французский социолог Пьер Бурдьё много писал о том, как влияют на содержание образования определенные социальные группы.

— А насколько однородна нынешняя подростковая культура?

— Она очень разнородна, и это понятно ввиду стремительного расслоения всего нашего общества. Не надо закрывать глаза на то, что система образования стала очень дифференцированной. Идет социальный отбор представителей разных социальных групп в различные образовательные учреждения. И эта дифференциация задает ощутимые различия в современной подростковой среде. В школе, где я учился, был физматкласс и был класс токарей, но среда оставалась общей, а сейчас дети, принадлежащие к разным социальным группам, практически не сталкиваются друг с другом, живут в разных культурных и образовательных пространствах. Это поколение дифференцировано уже на уровне школы. И во внешкольной жизни тоже. Сейчас очень много разнообразных подростковых движений, течений, группировок и так далее, которые существуют без видимого участия взрослых.

— От «Наших» до скинхедов.

— Хотя, конечно, там и там взрослые играют небольшую роль. Таким образом, разделение идет и в школе, и за ее стенами. Эта дифференциация педагогически не продумана, современная педагогика вообще уходит от осмысления проблем социального неравенства. Seriously это не обсуждается ни в плане воспитания, ни в плане образования, ни в плане выравнивания возможностей. ЕГЭ как инструмент демократизации тоже не спасает. А опыт взросления в обстановке явного социального неравенства чреват социальной агрессией. Поэтому все вопросы, которые касаются толерантности, представляются мне чрезвычайно актуальными, когда мы говорим о социализации современного подростка.

— Вы не думаете, что роль социального лифта может сыграть дистанционное образование, которое становится общедоступным, поскольку компьютеры уже есть практически всюду, в каждой библиотеке и школе? Собственно, это вопрос мотивации: если она есть, то найдется и возможность реализовать себя.

— Да, я очень позитивно к этому отношусь. Еще в середине девяностых я написал книгу «Подросток: виртуальность и социальная реальность». Основной вопрос, который там обсуждался, помимо компьютерных игр, — это доступность новых информационных технологий для детей из разных социальных страт и групп. В то время дети из недостаточно обеспеченных семей, с низким образовательным уровнем, практически не имели доступа к компьютеру, к Интернету, и это был очень важный фактор неравенства и дифференциации. Сегодня все не так, новейшая электронная техника действительно создала среду, дающую возможность человеку, к какой бы социальной группе он ни принадлежал, получать любую информацию. И главное теперь, вы правильно сказали, не столько доступность, сколько мотивированность, а это проблема

школы и семьи — сделать так, чтобы для подростка образование стало привлекательным целевым ориентиром. Я бы здесь подчеркнул: образование, а не просто информированность и знания, — это не одно и то же.

— А сейчас это не так? Что привлекает современных подростков?

— В прошлом году мы проводили исследование, посвященное идеалам современных подростков, в котором опросили около трех тысяч учеников основной школы, с пятого по девятый класс. Им задавали, в частности, такой вопрос: назови идеально, на твой взгляд, человека. Пусть это будет кто угодно: живой человек, исторический деятель, литературный герой, политик, спортсмен — все равно. И что же? Деятели науки назвали всего 0,2 процента опрошенных, ученые не являются идеалом.

— А кто является?

— Ну, я не буду детально перечислять. Герои телесериалов и шоу, деятели эстрады, политики. Результат — свидетельство того, что в сознании подростков главное место занимают представители массовой культуры.

— Даже не Путин, не Гагарин?

— Путин, конечно, есть. Политические лидеры занимают первую позицию по рейтингу в качестве идеала. Нетрудно догадаться, кто здесь лидеры. В целом же диапазон довольно широк: тут и Сталин встречается, и Ленин, и Маркс.

— А Сахаров есть?

— Нет. В основном это люди, действующие сегодня и активно упоминаемые в СМИ. Немало литературных и киногероев. Причем здесь явно проявляется предпочтение представителей западной культуры. Поймите меня правильно, я не против освоения западной культуры, но дети называют не Тома Сойера — кстати, из героев-сверстников вообще нет ни одного отечественного примера, — а только из СМИ, Ранетки и тому подобные.

— Уже довольно давно, трудно сказать, с каких пор, стало общим местом говорить об инфантилизации, недостаточной зрелости современных людей. Сорокалетние мужчины — женщин это касается меньше, они волей-неволей взрослеют с рождением ребенка — не хотят обременять себя ответственностью, заводят семью, играют в машинки, стреляют друг в друга шариками с краской, смотрят фэнтези. Им нравится ощущать себя веселыми беззаботными подростками. Причем такое поведение легко сочетается с профессиональной компетентностью: подросток-перестарок может быть хорошим программистом, бизнесменом, инженером. С чем связана эта инфантильность? С тем, что удлиняется детство, облегчается быт? Или ничего такого не происходит, а все это разговоры из разряда «в наше время вода была мокрее»?

— Разговоры начались давно, еще нас в шестидесятые годы считали инфантильными. Наверное, не стоит обобщать и распространять то, о чем вы сказали, на всех. Есть дети, которые живут в очень тяжелых условиях, у них происходит раннее взросление, и лучше всего, если взрослые помогают им принять семейные сложности и научиться отвечать за себя. Но некая тенденция действительно есть, и она тоже имеет отношение к нашей системе образования. Прежде выпускники получали «аттестат зрелости», теперь этот документ уже так не называ-

ется. Более того, сам образовательный процесс не строится как процесс взросления. Есть такая педагогическая позиция: школа должна подготовить ребенка к жизни. Но это в корне неправильно. Школа не готовит ребенка к жизни, а дает ему возможность прожить — и пережить! — определенный возрастной этап культуросообразно. Этому должно быть подчинено всё: содержание учебной деятельности, организация досуга, общение с детьми. А когда человек не пережил то, что необходимо пережить и осмыслить в этом возрасте, не прожил социальную ситуацию самоопределения, он и ведет себя инфантильно. Знаете, как говорят: недоиграл в детстве — вот все и играет. В этой связи замечу, что мои знакомые психологи и педагоги, ученики Василия Васильевича Давыдова, — Борис Эльконин и Исаак Фрумин — уже давно занимаются организацией учебного процесса как «школы взросления», в которой переход с одного этапа на другой сопровождается инициацией, особыми испытаниями. В нашей сегодняшней школе никаких инициаций не совершается, детство растянуто во времени, но лишено событийности. Отсюда массовая социальная незрелость.

— Отсюда же и политическая, гражданская индифферентность. Но вот что интересно. Наши учителя и взрослые, как следует и из вашего российско-голландского исследования, в значительной степени склонны делать упор на общинность, на «мы», а вырастают люди, безразличные к общественным интересам. Как же это получается? Что же это за такое пустое «мы»?

— «Мы» — это очень удобно. Я вам сейчас повторю, несколько упростив, известный педагогический принцип: «Воспитательная сила коллектива огромна. Педагог воздействует на личность через детский коллектив. Управляя коллективом — управляет личностью». Антон Семенович Макаренко, конечно, не так схематично это понимал, но в извращенном виде установка такова: надо создать жесткую социальную систему, и тогда можно, используя коллективное «мы» как механизм управления, воздействовать на ребенка. Так выращиваются функционеры, вырабатывается конформизм. И возникают проблемы, которые в свое время обнажил фильм Ролана Быкова «Чучело», — про ребенка, который поступает не по законам коллектива. Но, заметьте, ведь педагоги фильм не приняли и очень обиделись. Сложнейшая задача для воспитателя: как сформировать чувство общности, но чтобы в ней не подавлялась личность, чтобы отдельный человек не приспособился к этому «мы», а чувствовал себя в нем свободно. Этим занимались Александр Тубельский, Олег Газман и сегодня занимаются многие педагоги. Я уверен, что, несмотря на очень сильную деформацию педагогической этики, есть ядро совестливых, талантливых, ответственных людей в этой профессии, их не так уж мало. Иначе ситуация была бы безнадежной. Когда-то замечательный литературовед Григорий Гуковский говорил, что литература в школе — это «практическое литературоведение». А я вслед за ним повторяю: все школьное образование — это «практическая политология». Учитель — единственный в нашем обществе человек, который каждый день сталкивается с молодым поколением, смотрит в глаза детям, у которых всегда есть вопросы о том, где правда и где ложь. И он берет на себя, если берет, ответственность от лица общества отвечать на эти вопросы. Я сам, к счастью, учился у таких учителей.

Беседовала Наталья Мавлевич

Елена Никитина

Цитаты о недовольстве молодежью дошли до нас аж с античных времен. Наверно, это нормально: любое следующее поколение не должно и не может в точности повторять своих родителей. Откуда же каждый раз берется оно, такое своеобразное «поколение next»?

В начале 80-х годов к классной руководительнице выпускного класса одной из образцовых столичных школ (это официальное звание, их было всего восемь) пришли члены родительского комитета, занятые подготовкой выпускного вечера. Учительницу спросили, что бы она хотела получить в подарок.

Тогда немало учителей считали невозможным принимать любые презенты, кроме цветов. Но эта попросила золотые серьги, простенькое украшение незатейливого дизайна, — такие тогда дарили дочерям к совершеннолетию. Пикантность ситуации состояла в том, что у учительницы не были проколоты уши. Заняться вопросом требовалось срочно — чтобы в конце июня явиться на торжественное мероприятие во всей красе. На большой перемене учительница посетила медкабинет, и школьная медсестра проколола педагогу уши. Естественно, уже к звонку на урок об этом узнала вся школа.

История дикая даже по нынешним циничным временам, а уж тридцать лет назад учительница проявила крайний непрофессионализм, нарушив все мыслимые этические принципы. Однако администрация даже не выразила ей порицания — ведь на качестве уроков инцидент не сказался. Ученики-старшеклассники всё поняли и оценили правильно. Надо ли говорить, что это не добавило авторитета ни самой учительнице, ни школе — как данному учебному заведению, так и как социальному институту в целом.

За прошедшее время в школах сформировалось свое учительское «поколение next».

Профессия учителя всегда состояла из двух равно великих частей: собственно преподавание предмета и педагогика. Считалось, что словесники (теперь они — «русички») — учителя нравственности; историки — «идеологи» ... Отдельная миссия у учителей начальной школы, они — «вторые мамы» для вступившей во взрослую жизнь малышни.

Не берусь определить, когда именно, но сейчас вторая составляющая учительской профессии почти канула в Лету. Если и есть в школах Педагоги, то это у них вроде хобби и как будто не входит в служебные обязанности.

Несколько лет назад я разговаривала с педагогами о корректировке поведения первоклассников. Учительница (совершенно не юная, обучавшаяся еще по «старым «стандартам») тут же пошла в атаку: «Я их в угол ставлю, что вам еще надо?» Поддержала ее и завуч глубоко пенсионного возраста (это я не про ма-разм, а про огромный «профессиональный» опыт): «Вот вы знаете, что с ними надо делать? Я — нет. Вы нас научите, а мы сделаем». Я ответила что-то вроде: подобная постановка вопроса будет закономерной только в том случае, если я риду к вам работать учителем, а пока работаете здесь вы, причем еще и получая зарплату.

Последнее слово — волшебное. Стоит его произнести, как любой разговор сразу уходит в сторону. Когда-то учителям действительно платили неприличные копейки, но сейчас зарплата педагогов на общем фоне повсеместно выглядит вполне пристойно, что подтверждает и министр образования. Но денег много не бывает. А вот обязанностей всегда чересчур. Поэтому не родители идут к учителям за профессиональным советом по воспитанию своих отпрысков, что было бы логичным, — учителя задают родителям вопросы. Доходит до анекдотов.

Второклассник — новичок в классе, явно проверяя «училку» на вшивость, сообщил: он знает, что такое презерватив. Педагогиня (по совместительству — мать ученика выпускного класса) смутилась, покраснела и до конца дня так и не смогла придумать, как же ей реагировать. А мама юного хулигана поддержала сына, поскольку считает, что дети должны быть информированы, и именно в этом она видит свою родительскую функцию, тем более что времени на детей у нее нет, — она работает.

Учительница делилась своим негодованием с другими родителями из класса — ей было невдомек, что профессионального педагога такая «щекотливая» ситуация, придуманная, выстроенная и умело спровоцированная девятилетним ребенком, совершенно не должна ставить в тупик.

Конечно, есть мамы, которые «не работают». Раньше школа могла не беспокоиться о безнадзорности их детей, но при этом никто не самоустранился от воспитания «беспроблемного» ребенка. В конце концов, даже самая любящая и ответственная мать имеет право упустить что-то, как видно со стороны, достаточно существенное.

...Когда Насте исполнилось четырнадцать, ее мама, до сих пор занимавшая дочерью, устроилась на работу. Летом встал вопрос: кто будет жить с ребенком на даче. Решение пришло стандартное: бабушка. Она оказалась не очень старой, но крайне больной, практически не могла передвигаться по участку даже с помощью костылей. В ее обязанности входило присматривать за внучкой и готовить еду.

Бабушке на даче понравилось. Нынешним страшным летом она вновь сидела с теперь уже шестнадцатилетней внучкой, а той дача обрыдла. Старушка (она еще и плохо умеет пользоваться мобильным телефоном) ехать в город отказалась наотрез: здесь хоть чуть-чуть дышать можно. Почти взрослой внучке никто прямо не объяснил, что от нее, подросток, требуется помощь, что немощная бабушка будет просто опасна для себя и соседей. А сама девочка не догадалась, старушка прожила одна две недели.

Откуда же с таким упорством берется «поколение next»?

Да это мы, предыдущие поколения, его сначала порождаем, а потом растим... И при этом очень стараемся.

Фото Ильи Ципина

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом и ещё не знакомом

Первая тысяча дней

Вышел отчет Международного исследовательского института продовольственной политики под названием «Всемирный индекс голода» за 2010 год. Согласно отчету, недостаток питания в период от зачатия ребенка до его второго дня рождения может иметь серьезные долгосрочные последствия. Дети, не получающие достаточно питательных веществ за этот период продолжительностью около тысячи дней, более подвержены заболеваниям и детской смертности, чем их сверстники, у которых питание было полноценным. Мари Рюэль, сотрудница Института, считает, что предотвращение голода в раннем возрасте позволит улучшить физическое и психическое развитие детей. «Они наверняка будут лучше успевать в школе и получат более полное образование, — отмечает она. — Наш Институт также доказал, что во взрослом возрасте люди, лучше питавшиеся в детстве, зарабатывают больше на целых 46 процентов». По словам Рюэль, это означает, что продуктивность будущих поколений страны зависит во многом от условий, в которых проходит первая тысяча дней их жизни. «Поэтому мы все выступаем за улучшение детского питания в этот период, — поясняет она. — Впоследствии этот вред практически нео-

Будь здоров,
малыш

братим». Данные о влиянии питания на развитие детей собирались десятилетиями. Но знания диетологов мало что значат, если нет поддержки политиков, а также людей, которые будут заниматься реализацией необходимых мер». Первые признаки поддержки уже есть: ООН и другие крупные организации финансируют и реализуют программы по ликвидации голода среди беременных женщин и маленьких детей. Они направлены на улучшение питания, расширение доступа к дородовому медицинскому обслуживанию и стимулирование кормления грудью в течение первых шести месяцев жизни ребенка. Разные страны могут по-разному бороться с недостаточным детским питанием. В качестве одного из примеров Рюэль приводит Таиланд, властям которого в 1980-х годах удалось решить эту проблему с помощью большого числа добровольцев, проводивших соответствующую образовательную кампанию по стране. Однако, подчеркивает эксперт, пока власти не начнут уделять пристальное внимание первой тысяче дней жизни самых маленьких граждан, им не удастся победить голод и бедность в своих странах.

Жизнь вразрез с внутренними часами

Так называемые внутренние часы определяют у человека время сна и бодрствования, а также регулируют температуру тела и выработку гормонов. Сильнее всего на внутренний ритм организма влияет смена дня и ночи, и «социальное время», обусловленное общественными требованиями, нередко идет с ним вразрез.

Хронобиолог Тиль Реннеберг из мюнхенского Института медицинской психологии, изучающий все эти и подобные проблемы, считает внутренний ритм очень важным для человека, поэтому он не является сторонником регулярного перехода с зимнего времени на летнее и обратно, а также сменной работы, на которой, по его подсчетам, в промышленных странах занято около 20 процентов трудящихся.

Реннеберг также обращает внимание на существование различных типов естественных ритмов, на деление людей на «сов» и «жаворонков». К «совам» принадлежат примерно 60 процентов населения.

Лишь недавно ученые заговорили о возможных вредных последствиях жизни вразрез с внутренними часами. «Если бы мы могли спать в соответствии с нашим внутренним ритмом, мы бы меньше уставали в течение дня, лучше работали и реже болели», — утверждает Реннеберг.

Человечество или человечества?

Выдающийся немецкий генетик Сванте Паабо, который в конце прошлого века сумел частично расшифровать геном неандертальца и на этом основании доказал, что этот первобытный житель Европы нашим предком не является и вообще не имеет с нами ничего генетически общего, снова сумел удивить мир. Он заявил через журнал «Сайенс», что генетически общее у нас с неандертальцами, пусть и в небольшом количестве, все-таки есть.

Согласно последним исследованиям его лаборатории в Институте эволюционной антропологии Макса Планка в Лейпциге, в геноме представителей евразийской части современного человечества от одного до четырех процентов генов унаследовано именно от неандертальцев.

Собственно, это открытие лишь подтверждает уже имевшиеся предположения о том, что наши предки с неандертальцами все-таки скрещивались. Удивляет здесь разве только размер наследства. Четыре процента, считают многие коллеги Паабо, в том числе и автор гипотезы о нашем африканском происхождении, профессор Крис Стрингер из Лондонского музея естественной истории, — это неожиданно большая величина.

Как бы там ни было, а ситуация с нашим происхождением на сегодняшний день выглядит следующим образом.

Поначалу Европу в течение 300 тысяч лет оккупировали неандертальцы — рыжие ребята массивного телосложения, имевшие мозг по размеру больший, чем у нас, но немного не той конструкции. Похоже, у них из-за строения горла были проблемы с разговорным жанром, а так они не слишком отличались от гомо сапиенса, который в это время вот уже две сотни тысяч лет эволюционировал на африканских просторах.

Потом, 50–60 тысяч лет назад, в Африке что-то случилось — по некоторым данным, там началась великая засуха, и сапиенсы ринулись прочь оттуда. Небольшая группа, чуть ли не в сотню-две человек, добралась до Европы. Наши африканские предки так прочно там обосновались, что Европой не ограничились и постепенно заселили весь мир. Что уж у них там произошло с неандертальцами, неизвестно, но именно в это самое время бывшие хозяева Европы начали стремительно вымирать.

Есть две основные версии исчезновения неандертальцев. Согласно одной из них, их в постогонных схватках за территорию победили наши. По имевшимся до нынешнего момента генетическим данным от того же Сванте Паабо, не было никаких следов того, что сапиенсы и неандертальцы смешивались. То есть, если следовать версии противостояния двух человечеств, сапиенсы неандертальцев за людей не считали, смешанных пар не образовывали, а просто дрались с ними там, где встречали.

По другой версии, отношения были не такими напряженными, просто неандертальцы вымерли, не сумев приспособиться к климатическим изменениям, к ледниковому периоду, который тогда заморозил материк и стал вытеснять всю живность, в том числе и людей, к югу. В результате нежизнеспособными оказались не только сами неандертальцы, но и потомство от смешанных пар, даже если они и были. И это потомство также вымерло, не оставив по себе никакой генетической памяти.

Теперь выясняется, что кое-какую генетическую память по себе неандертальцы все-таки оставили. Есть еще один интересный аспект, связанный с работой Паабо, — речь идет о количестве человечеств, пытавшихся закрепиться на нашей планете. Человечество было не одно, их было как минимум два — мы и неандертальцы. Потом число человечеств увеличилось за счет хоббитов — карликов с индонезийского острова Флорес.

Недавно стараниями того же Паабо было, возможно, обнаружено еще одно человечество — его группа прочтала геном некой девочки, жившей на Алтае 38–40 тысяч лет назад. (Ее палец был обнаружен палеонтологами из Сибирского отделения Российской Академии наук при раскопках в так называемой Денисовой пещере.) Этот геном сильно отличается и от генома неандертальца, и от генома современного человека.

Побольше объятий, хороших и разных

Насколько известно, утверждает «Голос Америки», мирового рейтинга уровня любви к объятиям пока еще не составлено. Однако, если бы он существовал, Соединенные Штаты вряд ли попали бы в первую десятку.

Данные ряда исследований свидетельствуют о том, что американцы в целом избегают любого физического контакта — даже легких случайных касаний, не говоря уже об объятиях с малознакомыми людьми. А что, если мы обнимем кого-то, а он подаст за это на нас в суд? Под влиянием таких мыслей американцы сперва спрашивают разрешения объять человека.

Однако считается, что старое доброе спонтанное объятие имеет терапевтический эффект:

Обними
меня крепче

оно снижает стресс и депрессию и положительно действует на обоих участников. И при этом от него не потолстеешь. Некоторые специалисты по объятиям настаивают, что они укрепляют иммунитет — вероятно, путем обмена микробами.

Кто-то в Интeрнете даже обещает виртуальные объятия всем, кто ему напишет. На другом интернет-сайте сообщается, что для выживания человеку необходимо четыре объятия в день, для нормального функционирования организма — восемь, а для роста — двенадцать!

Естественно, существует и книга под названием «Искусство объятий». В ней содержатся практические советы: как долго следует обниматься и как крепко. Хотя, зная очевидную потребность американцев к подобным инструкциям, неудивительно, если уже существует книга «Объятия для чайников».

Помимо крепкого «медвежьего» объятия, различают также групповое объятие, объятие «щекой к щеке», и даже А-образное объятие — это когда, находясь на расстоянии, человек сильно наклоняется вперед, чтобы свести физический контакт к минимуму. Последнее идеально подходит для начальника или дальнего родственника.

Есть мнение, что даже легкое объятие лучше, чем ничего. Как когда-то напомнил американцам Джексон Браун-младший, «как ни обнимай свои деньги, в ответ ничего не получишь».

Н. П.
(по материалам
Интернета,
иностранной
печати
и радио)

ЭКО — буквы надежды

Валерия Бычкова

Из истории ЭКО

Понятие семьи в современном обществе меняется, становится более размытым. Неизменным, наверное, остается одно — в семье должны быть дети.

А что же делать, если желание завести ребенка есть, а состояние здоровья препятствует исполнению заветного желания? Мы не будем здесь рассматривать тему усыновления. Поговорим об альтернативной возможности — об ЭКО, медицинской технологии, с помощью которой можно получить заветную беременность.

До чего дошёл прогресс

Современный уровень развития медицины позволяет если и не творить чудеса, то успешно решать многие непростые медицинские задачи. Раньше весьма непростым было и ЭКО. Но сейчас эта процедура — обычная медицинская манипуляция, которую успешно проводят во многих клиниках.

ЭКО — это аббревиатура от русского «экстракорпоральное оплодотворение», что буквально означает оплодотворение вне тела. Экстракорпоральное оплодотворение — вспомогательная репродуктивная технология, разработанная специально для решения проблемы бесплодия. Суть ее заключается в том, что оплодотворение яйцеклетки сперматозоидом происходит вне организма женщины, в чашке Петри (а не в пробирке, как принято говорить). Затем оплодотворенная яйцеклетка (зигота) развивается в течение двух–пяти дней в «инкубаторе» под чутким контролем специалистов-эмбриологов; по достижении определенной стадии развития ее подсаживают в матку будущей матери с помощью специальной инъекции. Обычно ЭКО сопровождается рядом других процедур, которые назначает врач в зависимости от показаний здоровья пациентки.

Если говорить о технологии ЭКО более подробно, то важно упомянуть, что сейчас она имеет несколько модификаций, которые врач рекомендует в зависимости от того, кто оказался причиной бесплодия в паре.

Донорские программы: запретить нельзя разрешить?

Бывают ситуации, когда один или даже оба супруга не могут производить свои собственные половые клетки, тогда прибегают к донорским половым клеткам (опять же по совету врача, который оценивает состояние здоровья супругов).

Практикуется и донорство эмбрионов. Женщина может родить ребенка, который не является для нее генетически своим. Конечно, для такого шага нужны очень серьезные основания. Решение о том, идти ли на такой шаг, как донорская программа, пара принимает сама.

Первые попытки оплодотворения человеческих яйцеклеток вне организма были предприняты в США в 1944 году. Окончательно метод ЭКО был разработан британскими исследователями Р. Эдвардсом и П. Стептоу в 1975 году. Сложные философские, моральные и этические вопросы, сопровождающие применение этой новейшей технологии, бурно обсуждались уже на стадии экспериментальной разработки метода. Так, в 1971 году Британский комитет по медицинским исследованиям отказался финансировать программу Р. Эдвардса и П. Стептоу по исследованию оплодотворения *in vitro*, сочтя их научную работу противоречащей этическим нормам. Но затем мораторий на эти исследования был отменен. (Стоит упомянуть о том, что за создание технологии искусственного оплодотворения Роберт Эдвардс получил в нынешнем году Нобелевскую премию.)

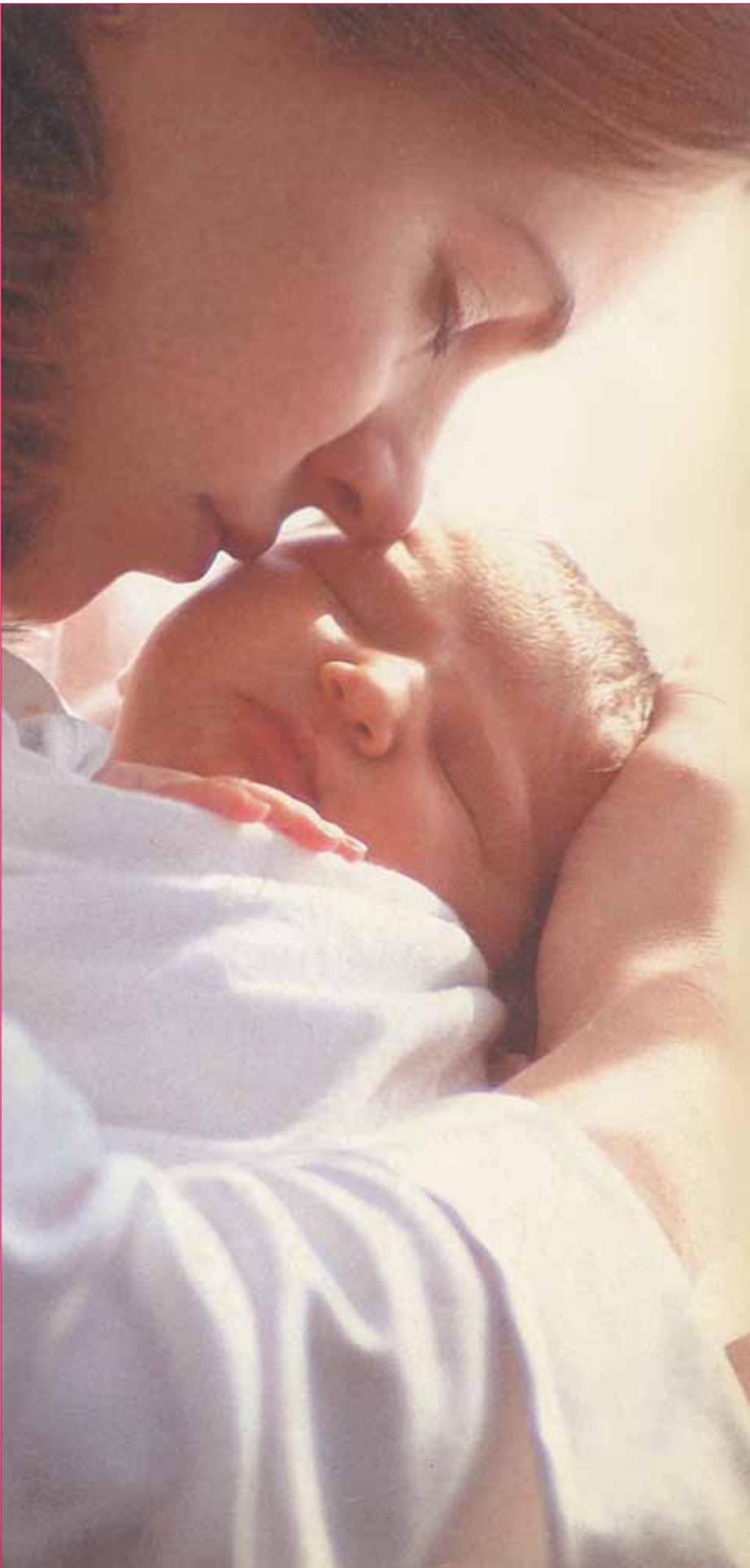
Уже в 1977 году в Великобритании был зачат первый «ребенок из пробирки» — Луиза Браун. Она родилась 25 июля 1978 года, через четыре года родилась ее младшая сестра Натали Браун (она стала уже четырнадцатым ребенком, зачатым с помощью ЭКО). Сама Натали также родила в 1999 году ребенка, зачатого с помощью ЭКО. В России первым таким ребенком стала Елена Д.; она появилась на свет в феврале 1986 года в Москве в Центре Охраны здоровья Матери и Ребенка. (Современное название — НЦ АиП, Научный Центр Акушерства, Гинекологии и Перинатологии.)

Необходимая информация об ЭКО

Сегодня технология ЭКО все больше развивается и оттачивается; можно даже сказать, что она поставлена на поток. Число детей, появившихся на свет благодаря ЭКО, во всем мире уже больше миллиона. Так, например, по статистике, на 2006 год в Дании 4,2 процента родов от общего числа — это роды в результате ЭКО.

В России эта величина гораздо меньше — 0,29 процента. Но число клиник в нашей стране, которые предоставляют услугу ЭКО, растет год от года. Такие центры есть уже почти во всех регионах России. По статистике Российской Ассоциации Репродукции Человека (РАРЧ), на 2006 год в России из 1479637 рожденных детей 5355 родилось в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе и ЭКО.

Увы, процедура ЭКО дорогостояща. Средняя стоимость одной попытки в разных клиниках составляет от 50 до 100 тысяч рублей без учета стоимости лекарств; при этом верхний предел трудно себе представить; многое зависит от клиники. Но существуют и программы бесплатного ЭКО, которые финансируются государством

и благотворительными фондами. Способы получения грантов на бесплатное ЭКО различаются от региона к региону. Обычно государственный грант включает две попытки и определяет конкретную клинику.

По данным Интернет-портала Демоскоп, в рамках национальной Программы «Здоровье» в 2008 году из федерального бюджета было выделено 7000 квот на бесплатное ЭКО. Основное ограничение — возраст женщины; он должен быть не более 38 лет. Общее количество центров, где делают ЭКО за счет Федерального бюджета, сейчас более 20. Также существуют региональные центры, предлагающие ЭКО бесплатно жителям своего региона. В результате доступность бесплатного ЭКО сильно различается от региона к региону. Перечень медицинских требований к получателям гранта на бесплатное ЭКО также различен в разных областях России. Однако если бесплатность в сфере вспомогательных репродуктивных технологий получит широкое распространение, можно ожидать увеличение такой рождаемости до действительно значимых процентов — ведь потребность в помощи страдающим бесплодием во всем мире, и в России в том числе, растет с каждым годом.

Что говорят юристы и этики?

При рождении ребенка с помощью ЭКО юридические механизмы отработаны отнюдь не идеально, возникает множество разночтений. Так, например, одинокая женщина может родить ребенка, прибегая к донорской программе, а одинокий мужчина, согласно российскому законодательству, такой возможности лишен.

Юридический аспект напрямую связан с этическим и психологическим аспектами. Человеку приходится решать для себя множество морально-этических вопросов, а если эта ситуация усугубляется юридическими трудностями, то она порождает еще более стрессов.

Важно отметить также, что в сфере ЭКО в России работает много негосударственных частных клиник. Очень важно при обращении в частную клинику быть уверенным, что качество предоставляемых медицинских услуг соответствует цене, которую просят за эти услуги.

ЭКО в определенной степени нарушает естественную природную программу. Вмешательство в процессы, происходящие в организме женщины, таит в себе известные риски и для ее здоровья, и для здоровья ее будущего потомства. Так, технология ЭКО может привести к многоплодным беременностям. Еще одна проблема, о которой, однако, не принято упоминать, — невысокая пока эффективность метода. В российских клиниках она варьируется от 30 до 35 процентов; в большинстве случаев долгожданная беременность наступает отнюдь не с первой попытки. Важно, чтобы врач, проводящий процедуру, заранее предупредил пациентку о возможно нескором положительном результате.

Но все же ЭКО получает все более широкое применение, ведь это практически единственный шанс при наличии проблем со здоровьем в репродуктивной сфере стать родителями генетически своего ребенка. ЭКО уже не является чем-то из ряда вон выходящим. Отношение в обществе к нему становится все менее настороженным, поэтому возникающие юридические и этические проблемы вполне решаемы.

Если пара решила пойти в репродуктивную клинику и даже не представляет, что может послужить причиной их проблемы с зачатием, правильно будет, если для начала женщина пойдет на консультацию к гинекологу, а мужчина — на консультацию к врачу-андрологу. Эти специалисты составят анамнез и выпишут направления на анализы, результаты которых, возможно, определят причины проблем с зачатием.

Когда причины будут ясны, врач-гинеколог подберет индивидуальную схему лечения бесплодия. Для пар старше 35 лет необходима консультация генетика, так как с возрастом генетический материал, который несут в себе половые клетки, теряет свое первоначальное качество, что может неблагоприятно сказаться на будущем ребенке.

Как показывает практика, важно также, чтобы в репродуктивной клинике вел прием психолог. В нашей природе заложено, что в определенный момент нашей жизни мы становимся способными давать жизнь нашему потомству. Мы привыкли, что репродуктивная функция — это такая же физиологическая функция нашего тела, как и другие. Как же получается, что здоровый человек не может оставить потомство? Этот факт сам по себе становится травмирующим и порождающим стресс, создает ощущение сбоев в естественном порядке вещей. Процедура ЭКО зачастую воспринимается не только как выход из проблемной ситуации, но и как проблема сама по себе, что может привести к повышению уровня тревожно-

сти и даже к депрессии. Возможно, разговор с психологом поможет развеять сомнения, уточнить некоторые психологические вопросы, преодолеть тревогу перед процедурой и чувство неестественности, настроиться на успех.

В исследовании, проведенном нами в одной из репродуктивных клиник, мы интересовались у пациентов: важно ли им, чтобы врач оказывал психологическую поддержку, и какие вопросы они хотят задать психологу? Результаты таковы: 62 процента пациентов ответили, что им важно получать психологическую поддержку от врача. Наиболее частыми стали такие вопросы: «Каковы психологические причины бесплодия?», «Как настроиться на удачу?», «Как бороться с отчаянием?». Остается надеяться, что в скором времени для каждой репродуктивной клиники станет обычной практикой иметь в штате не только врачей, медсестер, лаборантов, но и психолога.

Подводя итог всему сказанному выше, можно выделить некоторые плюсы и минусы ЭКО в России.

Самый главный плюс ЭКО в том, что оно позволяет стать родителями, даже если со здоровьем не все гладко. Не счастье ли — понимать, что маленькое чудо, которое сейчас спит в своей кроватке, — это ваш ребенок?

Минус ЭКО в том, что все-таки эта процедура не для всех, определенные ограничения по здоровью для ее применения имеются. К тому же и последствия ЭКО могут неблагоприятно отразиться на здоровье матери: гиперстимуляция овуляции — это серьезное вмешательство в естественный ритм организма.

Еще один плюс ЭКО в том, что технология сейчас развивается и мастерство ее применения оттачивается, грамотных специалистов становится больше. Плюс: ЭКО — это возможность родить нескольких детей за одну беременность. Минус: многоплодная беременность может протекать тяжелее, чем одноплодная, — как для матери, так и для детей.

Плюс: современный уровень развития медицины позволяет тщательно следить за протеканием беременности и видеть сложности на самой ранней стадии их возникновения.

Минус: ЭКО — процедура довольно дорогая, юридический аспект может осложнить в некоторых случаях ее организацию.

Плюс: во всем мире, и в России в том числе, ЭКО становится обыденной процедурой, поэтому юридическая сторона совершенствуется, появились возможности для бесплатного прохождения программы.

Казалось бы, к минусам можно отнести и относительно небольшой процент возникновения беременности в результате ЭКО (30–35 процентов), но с другой стороны, ЭКО дает шанс стать родителями даже при довольно серьезных проблемах со здоровьем.

Эти плюсы и минусы не являются предопределенными и, более того, возникают не всегда. Но, на наш взгляд, приятнее все-таки рассматривать уровень эффективности ЭКО в 30–35 процентов как плюс, а саму процедуру ЭКО не как вмешательство в естественный ход вещей, а как шанс, возможно даже один из последних, почувствовать себя родителями.

Ваш «ребёнок из пробирки»

Дети, рожденные с помощью ЭКО, — самые долгожданные! Это дети, за которых пришлось побороться, выстраданные дети. Как говорят врачи-гинекологи, работающие в репродуктивных клиниках, это «золотые дети» — и в переносном смысле, и, к сожалению, в буквальном, если говорить о финансовых затратах.

Как мы уже говорили, у многих родителей, идущих на ЭКО или уже прошедших эту процедуру, возникает вопрос, будет ли отличаться их ребенок, зачатый с помощью ЭКО, от «обычных» детей. С уверенностью ответить на этот вопрос можно так: ваш ребенок, рожденный с помощью ЭКО, не отличается от них ни психологически, ни физиологически. Он отличается от других детей потому, что он — ваш ребенок, единственный и неповторимый.

Трудные взрослые

Всем сомневающимся

Мама — главное слово

Всем сомневающимся

Юлия
Корчагина

Первые
статьи
цикла
«Трудные
взрослые»
напечатаны
в №№ 3–5
и 7–10

Я — ребенок трудных родителей, трудных взрослых. Точнее — трудной мамы, потому что про отца я ничего не знаю. Я не видела даже его фотографий — мама уничтожила их на пятый день моего рождения, когда вернулась из роддома. Наверное, именно тогда она окончательно вычеркнула его из своей жизни — и из моей тоже.

«Я тебе и мама, я тебе и папа», — отвечала она на мои вопросы. Вы можете себе представить женщину-папу? Вы знаете кого-то, кому это удалось? Вот и ей, конечно, не удалось.

Мое рождение не входило в мамин планы. Ради меня ей пришлось от многого отказаться — обычная история. Меня надо было «поднимать». Поднимать было трудно, особенно без посторонней помощи, — и со мной, по закону подлости «несадовской», оставались «сидеть» по очереди мамыны приятельницы и многочисленные соседки.

Наша совместная жизнь была холодной, нервной и напряженной. Думаю, меня действительно было трудно любить. Ведь это не могло быть ненавистью?

Бедная мама! Сколько ей пришлось пережить... Я много капризничала и часто плакала по ночам, не давая ей заснуть. Я не хотела кушать (одеваться, раздеваться, выходить на прогулку, посещать поликлинику, играть, рисовать и учить уроки). Со мной приходилось бороться, меня приходилось перевоспитывать и делать из меня человека.

В пятилетнем возрасте я стала учиться игре на фортепиано. Кто-то отдал нам инструмент, и мама взялась за дело. Сама она играть не умела, но точно знала, как именно следует заниматься музыкой.

Играла я в основном скучные гаммы, но иногда попадались и простенькие песенки — например, про серого козлика. С первым куплетом я справлялась более или менее сносно. На словах «бабушка козлика очень любила» у меня начинал звенеть голос и кривился подбородок, а строчки «остались от козлика рожки да ножки» я уже совсем не могла петь, только громко и некрасиво ревела. Плаксивости мама объявила войну — я должна была играть и петь до победного. Козлик снова и снова умирал, а я снова и снова рыдала над его останками — маленькими, худенькими серенькими ножками и рожками.

Мужественной и суровой женщиной была моя мама. Ни слезинки, ни улыбки, ни доброго слова не могла она

себе позволить. Словно боялась потом не собрать себя обратно, потерять контроль, утратить необходимую железобетонную прочность. Она терпела, стиснув зубы, продолжала перевоспитывать меня — и ждала, когда я вырасту.

И я росла потихоньку. В школе у меня появилась подруга, веселая, неунывающая Настя. После уроков мы часто заходили к ней домой, где я с каким-то беспокойством (недоумением? завистью?) рассматривала ее такую же улыбчивую маму — полную женщину с короткой стрижкой.

Наверное, я все-таки сравнивала. Была ли ее мама лучше моей?

Я пыталась представить, как после уроков складываю учебники в портфель и иду домой — туда, к ней. Называю тетю Галю — мамой. Она кормит меня обедом, проверяет дневник... Не ругает за тройки. Расстраивается, конечно, — но называет меня не сволочью, а как-нибудь ласково — например, редиской... Представляла, как гуляем зимой на горке, и я, разбежавшись, утыкаюсь лицом в ее пушистую и глажу теплый даже на морозе мех, а она не отталкивает, наоборот — прижимает к себе, обнимает, улыбается...

Позже в моей жизни случилось несколько женщин — будто бы мам. Мама Саша, Мама Марина и Мама Наташа.

Мама Наташа — тихая пожилая нянечка из детской поликлиники. Моей «мамой» она стала случайно: просто однажды увидела меня на улице. Я сильно плакала какому-то своему подростковому горю и все повторяла, что не могу идти домой. Мы познакомились, стали общаться, и она всегда искренне жалела и утешала меня.

Жалела она самозабвенно, это было ее призванием. Она жалела всех: бездомных собак и кошек, детей, стариков, инвалидов — ну и меня тоже. «Бедная ты моя», — печально вздыхала она и гладила меня по голове. Мы беседовали, и я все чаще приукрашивала события, не умея обмануть ее ожиданий. В конце концов я перестала к ней приходиться, но стыд и неловкость не отпускали меня еще очень долго.

Мама Марина была моей соседкой — одинокая, не очень здоровая, но острая на язык женщина. Слушательницей Мама Марина была эмоциональной: она уточняла, кивала, хмурила брови, взмахивала руками, задавала вопросы и давала советы. Ее коммента-

рии в адрес мамы были нецензурны, энергичны и метки. Все произносимые нами слова были правдой — и я могла бы торжествовать, если бы не стойкое ощущение совершаемого предательства. Липкий, грязный и очень неприятный осадок.

К моему облегчению, скоро наши разговоры прекратились сами собой: Мама Марина получила новую квартиру и уехала из нашего дома.

Моя преподавательница Мама Саша была женщиной с трудной судьбой. Последние несколько лет она ухаживала за безнадежно больной дочерью и похоронила ее незадолго до нашего знакомства. Мама Саша очень тепло ко мне относилась — и она пошла дальше остальных. Она предложила мне свой дом и свою семью. Кажется, она и правда собиралась стать моей мамой.

Я тогда сильно испугалась. Чудесная, милая, прекрасная, добрая женщина. Абсолютно чужая и не имеющая ко мне никакого отношения. Мы обе страдали, но разве это могло нам помочь? Разве я страдала просто без любви? Я страдала без любви моей мамы. Неужели это было так непонятно?

А с мамой по-прежнему всё было очень плохо. Иногда от этого хотелось умереть. Я думала об этом — и мне становилось всех отчаянно жалко. Маму — потому что я сделала ее несчастной, себя — потому что моя жизнь закончилась так рано. А еще я боялась, что она не придет на мои похороны, и тогда все окажется напрасным.

Мысль о возможном суициде подерживала меня еще долгие годы. Спасибо Герману Гессе — я осталась жить. К тому моменту, когда стало понятно, что надеяться не на что, мне уже не хотелось умирать. В конце концов, в моей жизни были и другие люди, было много событий, интересов и планов. Не было только одного — маминой любви.

Я почти смирилась. Я уже почти не обижалась, не страдала, не боялась, не злилась, не жалела. Я ждала.

Знаете, чего я ждала? Того дня, когда все закончится.

Когда она уже не сможет сказать и сделать мне ничего плохого. Когда она не сможет отмахнуться от меня, оттолкнуть, оскорбить. В моей памяти она превратится в самую лучшую маму. Самую красивую, самую умную, самую добрую. Самую любимую.

Когда она умрет, я наконец-то смогу любить ее без страха. И больше ничто не сможет мне помешать. Я буду называть ее мамочка. Может быть, даже милая мамочка.

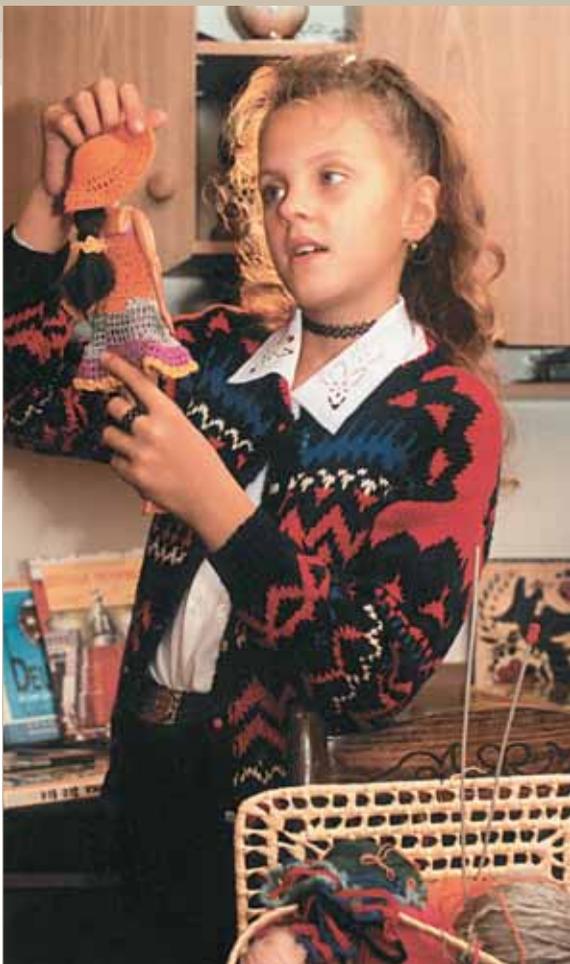
Я укурюсь и укутаюсь в эту любовь — как в теплое облако, как в мягкое одеяло, со всех сторон. Наверное, именно так бывает в раю. Только любовь, в каждом вдохе, в каждом взгляде, в каждом движении. Я все-таки получу это. Я буду ждать.

Я люблю тебя, мамочка.

Юлия
Владимирова
Корчагина,
кандидат
психологи-
ческих наук,
клинический
психолог
наркологического
диспансера
№ 3
Москвы,
старший
научный
сотрудник
Московского
гуманитарного
педагогического
института

Кукольный театр, настоящий и самодельный

Борис Бим-Бад

Философия, психология и педагогика кукольных театров достойна всяческого внимания.

На улице моего детства был кукольный театр, который подарил мне первые и, пожалуй, самые сильные впечатления от зрелищных искусств.

По воскресеньям иногда меня туда водил кто-нибудь из родителей. Разумеется, на дневной спектакль, а днем в воскресные дни всегда шла одна только «Сказка о храбром солдате». (Только много спустя я узнал, что ее автором был мудрый драматург Евгений Шварц.)

Поначалу было страшно, а постепенно, когда, понятное дело, я знал ее почти всю наизусть, каждой новой встрече с морским царем Водокрутом, похитителем красивой и милой Марьи-искусницы, знаменитой мастерицы, я ждал с замиранием сердца. Царь был злым и противным, но мне

было хорошо известно, что его жестокие (не до конца ясные мне) замыслы не осуществляются.

Себя я отождествлял с сыном Марьи-искусницы Ваней, который не побоялся проникнуть в подводное царство Водокрута, чтобы вместе с бывалым Солдатом вызвать ее из плена.

Музыка сопровождала главные повороты сюжета, по временам становясь довольно тревожной, а в счастливом конце — радостной, победной. Она запомнилась не менее отчетливо, чем действие.

Ване и Солдату загадывали в подводном царстве волшебные загадки, они прошли через ряд труднейших испытаний. Но всегда распутывали уловки Водокрута и его приспешников, а мудрая Марья помогала им советом.

Удивительно мне, что в позднейших моих воспоминаниях об этих жарких эстетических переживаниях первого детства не было кукол. Мне и сейчас кажется, что на сцене тогда находились живые люди, большие ростом, с богатой мимикой. Я вижу, как они смеются и плачут, пугаются и борются решительно.

Для детей куклы — настоящие одушевленные существа, только в силу своей «маломасштабности» более понятные им, чем огромные взрослые. Это значит, что куклы — приемлемые для ребенка представители действительности, разыгрывающие с ним или перед ним абсолютно реальные драмы и комедии жизни. (Весьма желательно, чтобы не триллеры.)

Искусство — вещь страшная и ужасная силой своего действия на юную душу. Я уверен, что первые и незамутненные мои интуиции, предвосхищения и предчувствия зла и добра, холодящей гибели и триумфов ой как трудно достающейся победы — родом оттуда, из истории большой жизни маленьких кукол.

Я вовсе не смеивался игры с реальностью. Условная «спрямленность» сценических образов лишь помогала постигать сложно переплетенную сеть мира, посреди которого я обнаружил себя неопытным и уязвимым.

«Ребенок — не обманутый проstack: он наслаждается искусством, как театральный критик, только гораздо сильнее», — писал глубокий и разносторонний философ, мастер слова Гилберт Кит Честертон (1874–1936, Англия).

В детстве Честертон был потрясен встречей с кукольным театром, только самодельным.

Автор посвятил этим встречам блестящее эссе «Человек с золотым ключом». Вот отрывки из него. (В блистательных переводах Натальи Трауберг.)

«Самое первое из моих воспоминаний — молодой человек на мосту. Был он важный, чуть ли не спесивый, с завитыми усами, в большой короне, золотой или золоченой, и держал огромный ключ из блестящего металла. Мост, по которому он шел, начинался у края страшных гор, чьи вершины терялись вдаль, кончался же у башни зубчатого и на удивление гордого замка. В башне было окно, а из окна смотрела девица. Я не помню ее лица, но готов сразиться со всяким, кто усомнится в ее несравненной красоте.

Если мне возражат, что подобные сцены нечасто встречались в домах жилищных агентов, я должен буду признаться, что видел и мост, и башню в окошке, которое много чудесней башенного, — на сцене кукольного театра, который соорудил мой отец.

Наш дом кишел отцовскими увлечениями, но в моей памяти ярче всего кукольный театр. Случайно это или нет, на мою жизнь и взгляды сильно повлияло, что я видел такой театр в детстве.

Если же дотошный читатель спросит меня о человеке в короне, я сообщу, что был он шести вершков росту и по рассмотрению оказался картонным. Тем не менее, я не солгал, назвав его первым моим воспоминанием — именно тогда мои глаза открылись и впервые увидели мир.

Для меня эта сцена предельно истинна, неописуемо первоначальна; она живет в глубине моей памяти, словно задник театра действительной жизни. Я не помню, что делал человек на мосту и зачем он держал ключ, но с тех пор я узнал немало менее радостных книг и сказок и могу предположить, что он шел освободить девицу из неволи.

Тем, кто любит психологические детали, будет небезынтересно, что я не запомнил других персонажей, но хорошо знаю, что кроме короны у моего человека были усы; кроме того, там был кто-то еще, постарше, тоже в короне. У него была борода. Это, очевидно, был злой король, и, мне кажется, мы не ошибемся, если предположим, что именно он запер девицу. Все остальное — сюжет, декорации, роли — исчезло, словно его и не было, одна эта сцена сияет в моей памяти отблеском немислимого рая. И я уверен, что буду помнить ее, когда забуду все остальное.

Я любил кукольный театр, хотя прекрасно знал, что он картонный. Я любил картонных актеров, хотя видел их вблизи.

Но самое прекрасное в театре именно то, что зритель видит события в рамке. Даже в худших театрах, чем

мой (скажем, в Королевском), вы смотрите в огромное окно. А в маленьком театре вы смотрите в окошечко. Неужели вы не замечали, как хорош и удивителен пейзаж, если глядишь на него из-под арки? Эта четкая грань, эта рамка, отсекающая все лишнее, не только украшает — в ней самая суть красоты.

Особенно же это верно, когда речь идет о кукольном театре. Он маленький, и потому я могу изобразить в нем землетрясение на Ямайке или Страшный суд. Что стоит мне смастерить падающие башни и падающие звезды? Большим театрам такая сцена стоила бы много; она им не по карману.

А если мы поймем это, мы поймем и другое, уже не из области искусства. Мы поймем, почему маленькие страны одухотворяли мир. Громаде греческой мысли было просторней в Афинах, чем в Персидской империи. На улочках Флоренции нашлось место и для ада, и для чистилища, и длярая; но Данте было бы тесно в Британской империи. Империи скучны, о них не напишешь великой поэмы. Огромные идеи умещаются на очень маленьком пространстве.

Мой кукольный театр глубок и мудр, как греческая трагедия.

И ярче всего сияют в моей памяти самые простые, ничуть не волшебные предметы, технические аксессуары — например, некрашенные деревянные палочки, благодаря которым некрашеное дерево до сих пор связано для меня со священным ремеслом плотника. То же самое можно сказать о моей любви к марионеткам. Я прекрасно знал, что они деревянные, это мне и нравилось. Я знал, что такой дивный звук бывает только тогда, когда по деревянной голове ударят деревянной палочкой. Мне было приятно, что кусок дерева стал человеческим лицом, что лицо — это кусок дерева.

И тем не менее драма картонных и деревянных героев по-настоящему волновала меня.

Я бывал в интересных местах и видел интересных людей; я участвовал в политических распрях; я беседовал с государственными мужами в часы, когда решались судьбы наций; я знал почти всех настоящих поэтов и прозаиков нашей эпохи; я бывал на краю земли, опустошенном землетрясением или смержем... Многие видели больше, чем я; но и я видел немало. Мне было бы легко набить главы событиями, однако они ни о чем не скажут, если читатель не поймет, что все это, вместе взятое, значит гораздо меньше, чем папин кукольный театр».

Домашние поделки родителей, конечно же, воспитывают лучше, чем все нотации, призывы не лениться и душеспасительные беседы на тему

«А я в твои годы...». Нас с братом отец научил мастерить гипсовые тарелочки на стену — с картинкой посредине. Совместные опыты с рубанком, маленькими гвоздями, конструктором и пластилином сделали нас не слишком зависимыми от Дирекции по эксплуатации зданий. Совместное упование ремеслами сближает отцов и детей.

Понятно, что самодельный, несовершенный, откровенно условный домашний театр на столе, который соорудил отец писателя, был для Честертона так дорог.

Игра с картонным театром была для него очень серьезной, как, впрочем, и все другие игры всех детей.

«Взрослые не играют в игрушки только по одной, вполне разумной причине: у них не хватает на это времени и сил. Нам хватает сил на политику и бизнес, на искусства и науки; но для игры мы слабы. Эту истину признает каждый, кто хоть когда-нибудь во что-нибудь играл — строил из кубиков дом, нянчил куклу, расставлял оловянных солдатиков.

Возьмем кубики. Если завтра вы, как вам и положено, опубликуете 12-томную «Теорию и практику европейской архитектуры», можно будет сказать, что вы потрудились, но нельзя сказать, что ваш труд был серьезен, как труд ребенка, кладущего кубик на кубик. Если ваша книга плоха, никто и ничто

на свете не сможет вам это доказать; но если плохо положен кубик, дом просто развалится. Ребенок, если я немного знаю детей, тут же примется за дело снова, с серьезным и пасмурным видом. Автор же — если я их хоть немного знаю — ни за что не напишет книгу заново и даже не станет о ней заново думать, если его не заставят.

Возьмем кукол. Гораздо легче рассуждать о воспитании, чем заботиться о кукле. Я хочу напомнить, что любовь к кукле, как любовь к ребенку, требует почти всего времени и почти всех сил. Автор статьи о материнских обязанностях — специалист по воспитанию; девочка с куклой — мать.

Возьмем солдатиков. Тот, кто пишет статью о стратегии, пишет статью. Но мальчик, ведущий в бой солдатиков, — генерал, ведущий бой. Он должен изо всех своих слабых сил думать о реальных вещах, тогда как во-

енный корреспондент вообще может не думать.

Когда вы играете, вам приходится быть серьезным».

Гимн малышам. Эту заметку, навеянную чтением Честертон и моими детскими воспоминаниями, логично закончить символом детопоклонства, который сочинил Гилберт Кит Честертон:

«Дети серьезны, потому что дивятся миру, и в удивлении этом нет мистики, но много здравого смысла.

Детская прелесть кроется в том, что с каждым ребенком все обновляется и мир заново предстает на суд человеческий. Когда, проходя по улице, мы видим внизу дивные круглые головы, слишком крупные для небольшого тела, словно шляпки грибов, мы должны помнить, что в каждой из них — вселенная. В каждой из этих голов — новые созвездия, новая трава, новый город, новое море.

Дети хотят все испытать на опыте, что чаще всего вполне разумно, хотя и приносит большой ущерб домашнему хозяйству.

Их большие блестящие глаза, удивленно глядя на звезды, не дают им исчезнуть, а дивное отсутствие носа предвещает ту разновидность юмора, которая ждет нас в раю».

Наталья Ванханен

Искусство

(Опыт эссе)

«Пускай не продают души в рассрочку,
пускай душа их без штанов парит».

Сашиа Черный

Общеизвестно, что творец, как правило, не получает при жизни адекватного вознаграждения. Это закономерно. Как, например, оплатить Лермонтову «Выхожу один я на дорогу»? Построчно? Да хоть побуквенно плати, все равно ерунда выйдет. С настоящим искусством — беда. Выражение «бесценный шедевр», как правило, означает: платить не будут. Тут есть психологические причины, вовсе не связанные с черствостью и неблагодарностью публики.

Почуяв истинное произведение искусства, люди обычно теряются и не знают, как себя вести. Что, впрочем, естественно, если принять во внимание исключительную редкость явления.

Я сама стала свидетельницей по крайней мере двух случаев такого всеобщего замешательства. Один произошел во время застолья. Там среди гостей случайно затесалась одна поэтесса. Когда все хорошо поели и выпили, хозяин принялся уговаривать ее что-нибудь прочесть. Поэтесса отнекивалась, но, поскольку он настаивал, согласилась — прочитала стихотворение. Хорошее. Нет, замечательное. Над столом повисла неловкая тишина, словно произошло что-то неприличное. Прочти она стихи похуже, в рамках самодеятельности, ее наградили бы аплодисментами и предложили тост за ее здоровье, а тут... Все сконфуженно молчали. Что-то не так. Почувствовав это, бедная поэтесса смущенно ерзала на стуле. «Но в чем дело? Почему? — пыталась она подружку по дороге домой. — Они же сами просили!» — «Просили! — передразнила подружка. — Ты на себя оглянись. Сидишь такая... Пуська... Вся в розовеньком. Они и ждали чего-нибудь про цветочки. Никто тебя не просил вместо хорошенького натюрмортика выкатывать полотно три на четыре, “Явление Христа народу”. Чего людей-то пугать!»

Но, думаю, самый наглядный пример явила мне однажды та давняя зимняя электричка. Как известно, электрички в наше время кишат не только распространителями газет, самостирающих ручек и сухого, в таблетках, клея для реанимирования подметок в домашних условиях, но и разного рода бродячими гомерами. Всякий раз слышав в дальнем конце вагона характерную скороговорку — «...друзья дорогие, граждане-соотечественники! Прошлый год посетило меня вдохновение, и теперь сочиняю я вам на радость, себе на забаву...», — а следом корявые строчки или безголосый вой, я, как и многие пассажиры, торопли-

Искусство

во достаю кошелек и поскорее спешу сунуть автору две-три монетки: очень уж больно за человека, которого безжалостная нужда выгнала на рынок с таким захудалым товаром.

Тот заснеженный баянист вошел в вагон без вступительной речи. Просто вошел и заиграл. Тонкая белая палка слепого болталась у него на руке, но совсем слепым он не был: что-то, похоже, все-таки видели его растерянные глаза. Может, просто тени и свет. После нескольких виртуозных пробежек по клавишам его поймал за локоть сидевший у двери слегка подвыпивший парень. «Слушай, слушай! А “Ой, мороз, мороз” можешь? Можешь? Тогда давай, а?»

Баянист заиграл, а парень запел. И все сразу к ним повернулись. А кто не повернулся, смотрел на снег, лепивший в черное ночное окно, и представлял сияющие морозные просторы, мохнатенького коня с инеем на боках и, всяк на свой вкус, красавицу, что ждет разухабистого тенора, распевшегося среди сугробов и ледяных искр. И все это вместе со снегом летело навстречу поезду, и вспоминалось вдруг, что вот-вот грянет старый, а значит, уж окончательный, настоящий, российский Новый год, и всякое, даже хорошее, может случиться: вот летим же мы через вьюгу посреди огромной страны, посреди мира, разбегающегося по обеим сторонам железнодорожного полотна из точки нашей собственной, такой важной, жизни.

«Опера!» — определил пожилой, обломанный, как гнилой зуб, мужик за моей спиной, когда парень замолк. Кто-то захлопал. Весь вагон расслабленно улыбался. Мужик не ошибся. У парня был прекрасно поставленный оперный голос дивного бархатистого оттенка, и аккомпаниатор ему попался подстать. «Слушай, слушай, а вот это можешь? “Зачем вы, де-е-евушки”. Можешь, а?» — «Я все могу», — со спокойным достоинством отвечал подслеповатый баянист, тронутый их общим успехом. «Ну, маэстро, давай!»

Маэстро заиграл с большим воодушевлением, а парень запел про ромашки-лютики, и все опять размякли и закачали корпусом справа налево, в такт движению души, а не вперед-назад, как того требовал тряский вагон, да так и ехали счастливые, пока радиоголос не объявил Москву пассажирскую, конечную.

Народ подхватился и заспешил к выходу. И, странное дело, все с каким-то смущением, потупившись, норовили поскорей прошмыгнуть мимо артистов, не протянув ни единой монетки. И никто, ни один, не дал баянисту ни рубля. Сама я с

самого его появления в вагоне мусолила в руке приготовленную для него десятку, а тут, проходя мимо, встретилась с растерянными полуслепыми глазами, ступевалась и незаметно сунула бумажку обратно в карман. Неудобно как-то мерить деньгами истинное искусство.

Оно бесценно.

Дети индиго

(Рождественский рассказ)

Он приходит ровно в час, маленький, хрупкий, белокожий, с большими черными глазами в пушистых ресницах. Снимает сапожки, шапочку. Густые каштановые волосы встают плотным нимбом.

— Hola! Qué tal, chico, cómo estás? («Привет, что новенького?»)

За его спиной маячит стройная красивая мама, в чем-то приятно меховом.

Ему двенадцать. Штаны у него почему-то сползают, и он неудобно, локтями, их время от времени ловит. Худ очень.

Усаживаемся.

— Какая сегодня погода? — шаблонно спрашиваю я на изучаемом языке. — Так, верно, не холодно, еще что? Не жарко. Так, дождь идет. Как, опять слово «дождь»? Ну, запиши еще раз. Как это — и так знаешь? А почему говоришь неправильно? «А снега еще нет». Как это, как будет «еще»? Ладно, молодец. Давай домашнее. «Педро едет из Мадрида в Париж».

— Не надо Педро.

— Почему?

— Все Педро да Педро. Надоел. У них что, других имен нет?

— Ладно, пусть будет Мануэль. Или Хоакин. Нравится?

— Хуакин нравится.

— Я-те дам — Хуакин! По-испански надо говорить четко: Хо-а-кин.

— Что он делает-то?

— Хоакин едет из Мадрида в Париж.

— Наталья Юрьевна, а вы в Лондоне были?

— Я? Нет. А ты?

— Я был. Когда был маленький.

— Помнишь что-нибудь?

— Не очень.

— Ладно, давай глаголы. «Говорить». Какое спряжение? Правильно. Давай, шесть форм, как всегда.

— Наталья Юрьевна, а вам какая машина больше нравится? Майбах или Крайслер 300ЭС?

— Я в них, детка, не понимаю. Давай дальше, первое спряжение.

— Нет, ну правда, Майбах или...

— Да не различаю я их. Я знаю только «Победу» и «Москвич».

— А что это?

— Всё, хватит! Возьмем новое время, а то занимаемся, занимаемся, и всего два времени. Слушай, почему ты все время ложишься? Ты что, не выспался? Да еще отворачиваешься, я же тебя не вижу — может, ты там спишь вообще или рожи корчишь.

— Я не корчу.

— Тебя, что, в школе за это не ругают?

— Нет. У меня с первого класса голова не держится. Все привыкли.

— А я не привыкла. Я же перед тобой прямо сижу, потому что я тебя уважаю. Вот и ты меня уважай.

— Я уважаю, Наталья Юрьевна, я вас даже очень уважаю.

Господи, думаю, до чего я докатилась: уважаешь, не уважаешь — как в пивной!

— Как ты скажешь: «Ты говоришь по-английски?»

— На «ты» или на «вы»?

— Я же сказала «говоришь»!

— Я говорю по-английски.

— Да нет, ты меня спроси.

— А вас надо на вы спрашивать?

— Ну, на «вы» спрашивай.

— Наталья Юрьевна, а вы знаете, кто самый богатый человек у нас в стране?

— Не знаю и знать не хочу.

— Вы что, правда, не знаете? Сказать?

— Ну, скажи.

— Абрамович.

— Спрягай давай: «говорить», «есть», «пить».

Так, теперь — стихотворение.

— Я не выучил.

— Второй раз уже задаю.

— Я ж говорил — я стихов не запоминаю.

— А по-русски?

— И по-русски.

— Ни Пушкина, ни Лермонтова?

— Пушкина учил вообще-то.

— Ладно, всё, занимаемся испанским.

— Нет, Лермонтова мы вроде тоже проходили.

— Что значит «вроде»?

— «Мцыри» — это он?

— Он. Ну не «Мцыри» же вы учили!

— Вроде нет. А он еще что-нибудь написал?

— Человек прожил всего двадцать семь лет, написал бог знает сколько! Абсолютный гений — а ты ничего не знаешь!

— Он что, болел?

— Ты что, не знаешь даже, что Лермонтов погиб на дуэли?

— Как? И он тоже?

— Всё, это невозможно! Твоя мама мне деньги платит за испанский. Так, пиши: простое прошедшее — «Pasado simple».

— А кто его убил?

— Мартынов.

— А за что?

— Слушай, сядь нормально! Ты, может, вообще не хочешь никакого испанского. Давай так маме и скажем!

— Не надо маме, я хочу.

— А по-моему, ты просто мучаешься.

— Может, я этот, как его?..

— Кто?

— Которые мучаться любят.

— Мазохист, что ли?

— Ага.

Мой ученик впервые смеется.

— А я, значит, садист?

Смеется.

— Всё, всё, работаем!

— Я устал. Вы же обещали пять минут перерыва?

— Ладно. Вставай, делай зарядку.

— Наталья Юрьевна, вы любите тесты?

— Люблю.

Я их и правда люблю — всё надеюсь узнать о себе что-нибудь утешительное.

— Я вам тест принес.

— У нас нет времени.

— Ну перерыв же! Это три минуты, правда!

— Что за тест-то?

Он с восторгом извлекает из-под стола глянцевый журнал.

— Вот! «Можете ли вы стать миллионером?» Это уж слишком!

— Не буду я на это отвечать!

— Ну почему, почему, Наталья Юрьевна?

— Хотя бы потому, что мне уже полвека, а я все еще не!.. Значит, мне уже поздно.

Он вкрадчиво, с какой-то жалостью на меня взглядывает.

— Может, вы просто что-то не то делали?

Это уж точно.

— А вдруг вы бы могли, если бы вдруг?! Никто же не знает!

Я воровато оглядываюсь на дверь. меховая — впрочем, уже не меховая, меха на вешалке — мама сидит в соседней комнате. Неловко как-то.

— Говоришь, три минуты?

— Честное слово.

— Тогда быстро!..

Все вопросы — дурацкие. Отвечаю на них злобно и нарочито, с вызовом, чтобы уж явно, ни за что не только не стать миллионером, но и не найти себе места среди бомжей с ближайшей помойки. Знай наших!

«У вас завтра деловая встреча, к которой следует подготовиться, а к вам зашел старый приятель.

Вы: а) честно признаетесь, что не можете уделить ему ни минуты; б) постараетесь избавиться от него под благовидным предлогом; с) просидите с ним весь вечер и отправитесь на встречу неподготовленным».

— Весь вечер с ним просижу. И следующий тоже просижу.

— Тут про следующий ничего нет.

— А я все равно просижу! Даже если он не захочет. Вот!

Как ни странно, даже при таком раскладе в результате подсчета очков оказывается, что мой шанс — пятьдесят на пятьдесят. Пятьдесят процентов за то, что я могу при определенном желании стать миллионером. Словом, дело во мне самой. Кто б сомневался!

— У меня тоже так вышло, — со вздохом говорит мой ученик. Он явно огорчен. За нас обоих.

— Слушай, давай работать, а? Ну что ты расстраиваешься? Ты что, бедный, что ли?

— Ну, миллионер же всё может!

— Не всё. Стихотворение хорошее он написать не может.

— Правда?

Он искренне поражен. Мы некоторое время работаем.

— Наталья Юрьевна, а у вас есть наладонник?

— Нет.

— А вы хотите?

— Нет.

— А почему?

— Да что это такое-то?

— Это такой малюсенький компьютер, в ладони умещается.

— Зачем он мне?

— Ну, можете в своей подземке ехать и с него книгу читать.

— Я и так могу ее читать. И почему «в подземке»? В Москве это называется «метро».

— Да какая разница-то?

— Ну как: метро красивое, мрамор, люди нарядные, а в подземке — вонь и нищие.

— В метро тоже, я видел.
 — Ну, тоже так тоже. Какая сегодня погода?
 — Это уже было.
 — Слушай, а как это ты в метро оказался, тебя же на машине привозят?
 — Папа сегодня не мог. Мы сначала на автобусе ехали до Москвы. Час. А потом в метро.
 — Боже! С пересадкой!
 — С двумя.
 — Вот ты почему ложишься! Ты правда устал.
 — Да нет.
 — Ну как это нет! Всю неделю в школу — из школы, а в субботу — ко мне, да два часа ехать. И в воскресенье опять ко мне. А потом домой, и опять: в школу — из школы. Ужас! Ладно, давай дальше. Текст. Дома читал?
 — Читал.
 — Вслух?
 — Вслух.
 — Не похоже.
 — Наталья Юрьевна, я в школу — из школы не хожу. Я там живу.
 — ???
 — Ну, мама говорит, у нас в городе хорошей школы нет. Поэтому я в другом городе учусь.
 — А когда же ты дома?
 — В пятницу. Ко мне вечером в пятницу домой учитель английского приходит.
 — А потом ты, значит, ко мне готовишься, к испанскому?
 — Ну да, вроде того.
 — Слушай, а ты на птичку успеваешь посмотреть?
 — На какую птичку?
 — Ну, на какую-нибудь.
 — Вроде да. Видел.
 — Ты «Принц и нищий» читал?
 — Это что?
 — Это Марк Твен.
 — А это что?
 — Книжка детская. Там принц и нищий поменялись местами. Они были похожи, прямо одинаковые мальчики. И принц стал нищим.
 — Совсем бедным, да? Без денег? Плохо ему было, да?
 — Да нет. Он отдохнул.
 — Как это?
 — Ты прочитай. Тебе понравится.
 — Мне читать некогда. Нет времени.
 — Всё! Заканчиваем текст, и даю домашнее.
 — Только поменьше. Вы мне обещали мало задавать!
 — Я мало задам.
 — А смотрите, у меня в мобиле — Машка.
 Я тупо смотрю на тетку в элегантном розовом костюме на экране мобильного. Тетка похожа на тех, что одно

время объявляли по телевизору прогноз, — фотомодель, используемая на подобных работах.

— Это кто?
 — Машка. Со мной учится. Вредная-я!
 — Она что, твоя ровесница?
 — Говорит, да.
 — И много вас в классе?
 — Четверо.
 — А у нас двадцать восемь было.
 — ???
 — А с кем ты там дружишь?
 — Ни с кем.
 — Пиши: на дом страница 58, упражнения 1, 2, 3 устно...
 — Не надо письменно!
 — Пиши 5-е письменно, оно легкое.
 — Наталья Юрьевна, а сейчас такие штучки продаются, маленькие совсем. Я ее, например, вам подложу незаметно, и буду потом все слышать, о чем вы говорите.
 — Спасибо. Очень интересно. Кстати, ты кем быть-то собираешься?
 — Дипломатом.
 — Слушай, а хочешь, я тебе ничего задавать не буду. Скоро Новый год. Давай просто напишем, как по-испански «С Новым годом», «Елка», «Рождество», «Подарки». Это всегда так уютно. Как у Диккенса.
 — У кого?
 — Неважно, писатель такой английский. Ты же любишь Новый год?
 — Ну да. Папа уже такой торт купил — взрывчатка. На сто бабахов! Представляете?
 — С трудом. Пиши: рождественское дерево, часы бьют двенадцать, испанцы едят двенадцать виноградин, одну за другой, с каждым ударом. Сан Николас приходит, ну как Санта Клаус. А подарки у них приносят волхвы. Они называются Короли-Волшебники. Правда, здорово?
 — Наталья Юрьевна, а вы видели фильм «Санта-киллер»? Он там сигару как пульнет, в это-го. И она прямо в клетку с попугаем. И попугай закурил...

В последнее время много пишут о так называемых детях индиго. Говорят, появилась целая генерация особо одаренных детей, прямо новая такая раса, качественный скачок в развитии человечества. Думаю, я познакомилась с одним из них. Не знаю только, почему их называют индиго. По цвету, может быть? Этот пока просто бледненький. Впрочем, цвет — дело наживное.

Кристоф Андре: Вести дневник...

Из книги «Душевные состояния. Путь к миру с самим собой»

Психиатр Кристоф Андре работает в парижской больнице Святой Анны — центральной невропсихиатрической больнице Франции, где занимается терапией депрессивных и тревожных расстройств. На основании своего богатого опыта он написал несколько научно-популярных книг, ставших бестселлерами. Есть среди них книги о стрессе, о страхах, о фобиях. Но, как свидетельствует сам автор, ему наиболее близки две темы: проблема самоуважения («Как жить в добром согласии с самим собой») и психология счастья («Я одержим психологией счастья»). В отличие от большинства своих коллег Кристоф Андре считает, что миссия психотерапевта не только в том, чтобы облегчить страдания пациента, но и в том, чтобы помочь ему «приблизиться к счастью».

Последние книги автора «Несовершенные, свободные и счастливые. Практика самоуважения» (2006) и «Душевные состояния. Путь к миру с самим собой» (2009) написаны в жанре философско-психологических эссе. Для Кристофа Андре душевные состояния — это не сильные и, так сказать, однозначные, как гнев или радость, эмоции, а смесь настроений, впечатлений, ощущений, быстро ускользающих мыслей. Автор сравнивает все это с оживленным перекрестком, где нет ни светофора, ни регулировщика, а пешеходы и водители делают что им заблагорассудится, не соблюдая никаких правил. Тут недолго и до беды... Как движение на перекрестке, так и наши душевные состояния необходимо регулировать. Иначе слабые вначале ощущения, например грусти или вины, могут, накопившись, привести к депрессии, злопамятность — к мстительности и т. п.

Но и без таких крайностей оставаться глухим к своим душевным состояниям было бы ошибкой. Возможно, они свидетельствуют о том, что мы сделали в жизни тот или иной неправильный выбор или неадекватно оцениваем окружающее. Не менее важно прислушиваться и к положительным эмоциям, чтобы успешно их культивировать. По мнению Кристофа Андре, один из лучших способов понять себя — это вести дневник.

Дневник как средство самопознания

Должен признаться: я веду дневник. Впрочем, «дневник» — это слишком громко сказано; просто у меня всегда при себе черный блокнотик, где я пишу обо всем, что меня заинтересовало или как-то затронуло. Стараюсь записывать по горячим следам, пока впечатления еще свежи. Я выражаю на бумаге не *мысли*, то есть нечто имеющее логическую структуру и продуманное, а душевные состояния, эмоции от увиденного и пережитого. Впоследствии эти записи станут почвой и основой для дальнейших размышлений и «настоящих» мыслей (если, конечно, таковые появятся!). Речь идет о встречах с людьми, с миром, с природой. В повседневной жизни масса интересного. Все примеры, приведенные в этой книге, взяты из моих блокнотов. У меня плохая память, и я не способен что-либо выдумать. Никогда бы я не смог стать писателем: мне удается рассказывать лишь о том, что я сам видел, слышал или чувствовал.

Я люблю перечитывать свои записи, они дают возможность заново переживать прошлое. Не будь этого удовольствия — вновь испытать эмоции от встреч с жизнью, — я бы, наверно, давно все бросил. Во-первых, дневник требует времени. Во-вторых, не так-то легко выразить на бумаге неопределенные ощущения. К тому же часто приходится расставаться с иллюзиями: идеи, представлявшиеся гениальными, пока ты их не записал, оказываются банальными, многообещающие проекты — незрелыми. Дневник — хорошее средство от умственной лени и непомерно раздутого эго, он заставляет работать и размышлять. А также сортировать: в неразберихе душевных волнений мелькает и то, что нам не слишком приятно.

Как бы то ни было, если считать, что в душевных состояниях кроется какой-то смысл, дневник представляет собой отличный наблюдательный пост. Американский писатель Генри Торо называл свой дневник «календарем душевных приливов и отливов». Жюль Ренар полагал, что дневник есть орудие работы над собой и должен служить формированию и исправлению характера.

Дневник как средство самопомощи?

Дневники представляют интерес не только для писателей. Многими исследователями доказано, что ведение дневника благотворно действует на здоровье, умеряет волнение и тревогу.

Одним из первопроходцев в этой области был американский психолог Джеймс Пеннебекер. Для начала он поставил довольно простой опыт. Нескольким психически здоровым добровольцам предложили четыре дня подряд в течение пятнадцати минут описывать самое тяжелое в их жизни переживание. Участников разделили на две группы. Одних попросили глубоко вздуматься в пережитое, вспомнить все оттенки тогдашних настроений, других — не слишком вдаваться в подробности и писать как бы с точки зрения человека, легко преодолевшего травму.

Непосредственно после опыта авторы углубленных описаний, хотя и сочли эксперимент интересным и обогащающим, испытывали некоторый психологический дискомфорт. Но это ощущение быстро прошло, и в течение следующих двух недель они субъективно чувствовали себя лучше, чем члены второй группы, приуменьшив-

шие значение травмы. Наблюдения за участниками велись в течение целого года, и выяснилось, что в первой группе люди болели и обращались к врачам реже, чем во второй.

Дальнейшие работы Пеннебейкера подтвердили эти результаты. Попытки передать на бумаге плохое настроение, негативные эмоции, мучительные переживания успокаивают и упорядочивают мысли. Более того — улучшаются и биологические показатели, такие, как иммунные реакции и давление крови. Этой проблемой занимались и другие ученые. Было, в частности, установлено, что курс «лечения письмом» улучшает симптомы депрессивных пациентов и жертв травматизма.

Дневник: «инструкция по применению»

Тяжкий опыт нужно прежде всего принять. После этого о нем можно говорить и писать... Отрицание, как и эмоциональное сдерживание, наносит ущерб физическому и моральному здоровью. Непременен надо все выразить словами, это придаст связность событиям и настроениям, порой запутанным и хаотичным. Иначе останется некий «привкус» незавершенности, отравляющий ум и душу. Захлопнуть «эмоциональное досье», не приведя его в порядок, и после этого продолжать спокойно жить, — на такое мало кто способен. Вы обдумываете случившееся, то и дело мысленно возвращаетесь к нему. Естественно, это ваше право, но многочисленные исследования показали, что гораздо полезнее изложить волнующую вас тему на бумаге или обсудить с кем-нибудь. Погрузившись в одинокие размышления, вы рискуете застрять на месте и без конца пережевывать одно и то же. Ясности в мыслях не прибавится. А возьмете в руки перо — и сдвинетесь с мертвой точки.

«Но, — возразит читатель, — зачем писать, если можно все обсудить с близким и доброжелательно настроенным человеком?» Можно и обсудить, только при разговоре мы неизбежно принимаем во внимание реакцию другого. Как бы его не задеть или не утомить... И сам он, естественно, высказывается, то усложняя нашу задачу (если нас не понимает или не одобряет), то упрощая (если перебивает и спешит помочь нам «разродиться»). Пусть даже собеседник оказывает моральную поддержку, пространство нашей мысли и слова неизбежно сужается и какие-то отдаленные уголки души остаются неизведанными. Тогда как процесс письма, совершающийся в одиночестве, побуждает идти до конца. Кстати говоря, постепенное исчезновение писем и замена их телефонными звонками, электронной почтой и прочими эсэмэсками привели к существенным психологическим изменениям: быстрый и активный контакт играет теперь куда большую роль, чем углубленное внимание. Человек как общественное животное от этого, наверное, только выиграл, однако как мыслящее существо, обладающее к тому же определенной культурой чувств, безусловно оказался в проигрыше.

Но вернемся к дневнику и его терапевтическому воздействию. Многим депрессивным пациентам предлагалось записывать свои впечатления и переживания. Когда в этих записях появлялись слова, отражающие причинную или временную зависимость (*поэтому, следовательно, и тогда...*) или связанные с самоанализом (*я понял, мне стало ясно, что...*), здоровье больных начинало улуч-

шаться. К ним возвращалась способность логически мыслить и оценивать свое состояние.

Стоит рассказать еще об одном интересном исследовании. «Писатели»-добровольцы в течение нескольких дней носили на себе маленькие микрофоны, записывая их разговоры. Не все подряд, а выборочно — каждые двенадцать минут микрофон включался на тридцать секунд. Важно

Ежедневный развлекательно-познавательный интернет-портал «СОЛНЫШКО» приглашает на страницы своего сайта детей и любящих их взрослых!

Новое в декабре 2010 года:

- викторина «Кофемания»;
- декабрьские фотоконкурсы детского обаяния;
- новогодние стенгазеты и календари на 2011 год;
- творческий конкурс «Карнавальный костюм-2011»;
- пополнение каталога новогодних костюмов новыми персонажами и многое-многое другое.

Добро пожаловать на сайт www.solnet.ee!

было не *что* говорится, а *как*. Опыт начался до того, как испытуемые взялись за дневник. Выяснилось, что в период ведения дневника в речи испытуемых гораздо чаще, чем раньше, встречались позитивно окрашенные слова и глаголы в будущем времени. Приняв свою боль, мы освобождаем место для счастья, а какое-то время прислушиваясь к себе, начинаем оптимистичнее смотреть в будущее.

Деля записи в дневнике, не ищите немедленно ответов на мучащие вас вопросы. Просто описывайте свои душевные состояния, старайтесь их понять, будьте максимально точны и честны перед самим собой, ничего не приукрашивайте. «Почему?», «Зачем?», «Что делать?» — это уже следующий этап. Вы перейдете к нему позже, когда эмоциональная буря утихнет.

Ученые постарались выяснить, каким типам людей наиболее показана «дневниковая терапия». Во-первых, тем, кто не имеет привычки вникать в свои душевные состояния, а тем более, о них говорить или их выражать, то есть в первую очередь мужчинам. Во-вторых, гневливым личностям, особенно если они загоняют гнев внутрь. Тем, кому от природы трудно разбираться в собственных эмоциях и давать им определение. И, наконец, тем, у кого, наоборот, излишне развита склонность к самокопанию, ведущему к бесконечному пережевыванию одного и того же. Попытка изложить свои мысли на бумаге заставит сдвинуться с мертвой точки. Замечено, что у таких людей обнаруживался и прогресс в общении: они начинали вести нормальные беседы, вместо того чтобы, как раньше, непрерывно жаловаться.

И последнее — беритесь за дневник, только если действительно убеждены в его необходимости и чувствуете себя готовым. Притворяться — дело бессмысленное и бесплодное. Будьте до конца искренни и помните, что, как сказал современный поэт и философ Жан Луи Кретьен, «слова старше и могущественнее тех, кто их произносит».

Введение и перевод с французского И. Дмоховской (Париж)

Фото Ильи Ципина

Обыкновенная история

В Третьяковской галерее (в Лаврушинском переулке) прошла выставка «Петр Кончаловский. К эволюции русского авангарда». Показано семьдесят живописных и графических произведений. Организаторы — Третьяковская галерея, Русский музей, Фонд Петра Кончаловского.

Петр Кончаловский не относится к художникам неизвестным, забытым и вновь открываемым. Он считался классиком советской живописи, да и остался им. При жизни — семнадцать персональных выставок, да и после смерти его частенько выставляют. Тем не менее, зрительский успех последней выставки несомненный: об этом свидетельствовали очереди в музей, нельзя сказать, чтоб грандиозные, но тем не менее пришлось

изменяться в зависимости от них. Впрочем, все художники русского авангарда прошли школу импрессионизма, их предтечами были Сезанн, Матисс, Пикассо. «Бубнововалетчиков» так и называли «сезаннистами».

Кончаловский в доме отца, известного издателя Петра Петровича Кончаловского, встречался с Михаилом Врубелем, Валентином Серовым, Константином Коровиным: они бывали и по делу, и на положении друзей дома. И когда Кончаловский женился на дочери Василия Сурикова, Врубель и Серов присутствовали на его свадьбе. Но никого из этого великолепного окружения он не выбрал в учителя. Оказавшись же во Франции после окончания Академии художеств в 1907 году, он заболел импрессионизмом, побывав на выставке «100 полотен Ван Гога», признался: «Произведения Ван Гога

В мастерской. Семейный портрет. 1917

постоять. Значит, у кого-то еще хранится память о растиражированных в учебниках и общепитовских столовых пахучих букетах сирени и пионов, другим импонирует Кончаловский как один из участников и организаторов «Бубнового валета». Кто знает... А может быть, все дело в обаянии, которое художнику свойственно как натуре раблезианского типа. Не философ и не мудрец, отнюдь. Но он любил цельность и крепость вещного мира, умел чувствовать его энергию, заражаться ею и воплощать ее в своих полотнах. Один из современников вспоминает, что в молодости он был «большим, полным, с мощными движениями». Эта мощь, крепость (последнее свойство точнее) осталась в его руке, в его манере. Его мазок всегда тяжелый и плотный.

Масштабы выставки позволили выявить и такое качество художника, как импульсивность, способность в увлечении поддаться влияниям и

Портрет художника Георгия Богдановича Якулова. 1910

раскрыли мне глаза на мою живопись...» А познакомившись с созданиями Сезанна, воскликнул: «Я ухватился за Сезанна, как утопающий за соломинку...»

Влияния бывают разные. Или это освоение, присвоение, игра с чужими манерами и мотивами, или это откровенное копирование. Полотна Кончаловского в первом зале выставки все же больше похожи на ученическое подражание. Бесконечные копии сезанновских ветел с протянутыми черными ветвями, дубами и тополями несколько утомляют. В испанских же этюдах появляется тот экзотический колорит и та тяжелая насыщенность фактуры, которые на долгие годы определяют манеру художника. Про Кончаловского станут говорить, что «краски его замешаны не на масле, а на глине». И конечно, многое для него определит влияние примитивной живописи и «фовистов» — это было что-то органически близкое, похоже на присвое-

Полотер. 1946

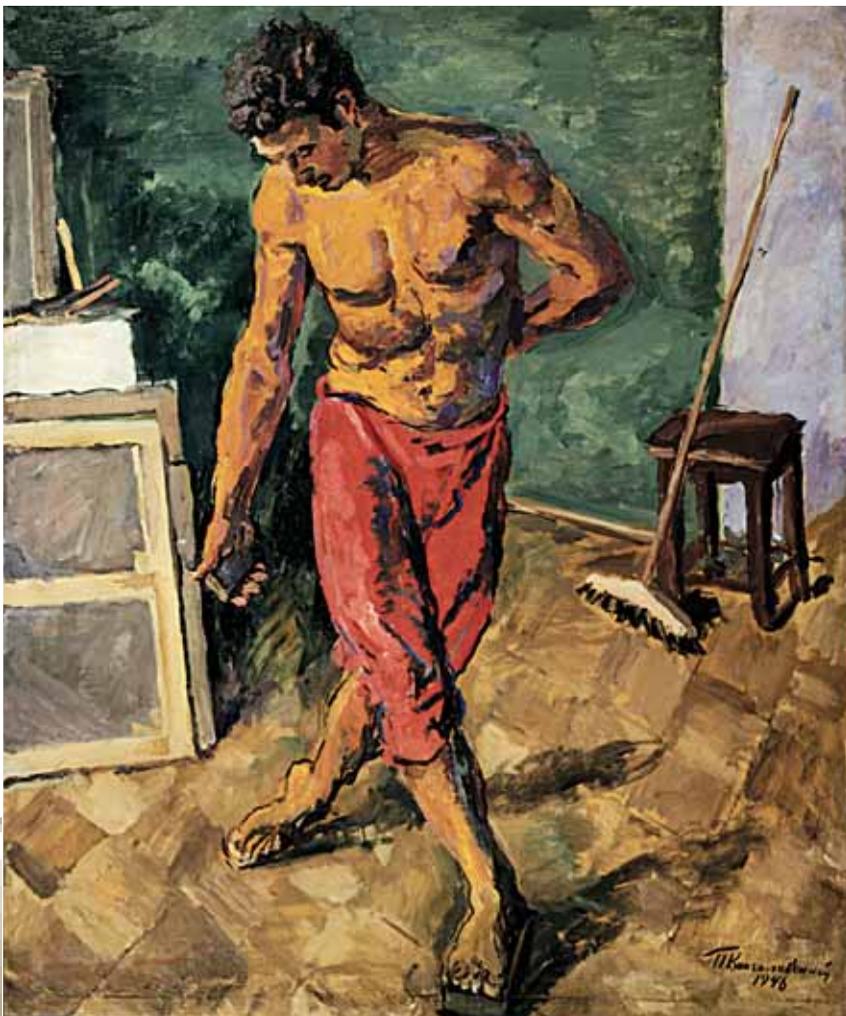
ние родного. «Матадор» и «Испанский танец», «Бой быков» написаны уже рукой мастера.

Не кажутся скучными натюрморты художника, которые он писал всю жизнь, — ему нравилось как бы заново создавать вещи, уплотнив, огрубив их; он пытался заставить жить материю, которую принято считать мертвой. Причем часто он работает на холстах больших размеров. Многие портреты, семейные портреты написаны на холстах, размеры которых подошли бы для изображения сложных батальных сцен. В соединении с примитивной манерой исполнения это кажется странным. Стремился ли художник подчеркнуть значимость изображаемого или хотел быть до конца «наивным», подражая детским рисункам?..

Принято считать, что основные свои произведения художник создал в 1910-х годах. Но это не совсем так. Нельзя пройти мимо великолепного портрета Мейерхольда, написанного в 1938 году в квартире режиссера. Мейерхольд уже был отставлен от театра, что было для него равносильно смерти. Но Кончаловский пишет не трагедию и предчувствие физического уничтожения. Он пишет красавца-человека и красавца-художника. Это своего рода апофеоз творчества, цветение тех возможностей, которые еще были живы в старом мастере. Как уве-

Портрет
В. Э. Мейерхольда.
1938

Натюрморт. Поднос
и зеленая картонка.
1912

ряют биографы, Кончаловский не был в дружеских отношениях с Мейерхольдом и не водил с ним приятельства. По-видимому, не смог сдержать порыва, хотя знал, что за такое можно поплатиться. Надеялся, что пронесет. Ведь он был пригрет властью. И относился к этому, как к должному. Его портрет писателя Алексея Толстого за пирушечным столом в доме Кончаловских — демонстрация не столько живописного мастерства, сколько обилия яств. А ведь писался портрет или в последние предвоенные годы, или в военные.

Ему не отказывали в выставках, дали Сталинскую премию, сделали действительным членом Академии художеств. Портреты Сталина он отказывался писать под разными предлогами, но и о вольностях авангардизма пришлось забыть. Впрочем, об этом нынешняя выставка не рассказывает.

Л. Осипова

Девочки (дневник матери)

Публикацию
подготовила
А. Раскина.

Продолжение.
Начало в № 8–10.

**Гале Кулаковской 8 лет 4 месяца,
Саше Раскиной 3 года 2 с половиной месяца.**

28 июля 45.

Читаю Саше книжку. Там стихи:
Очень любит наш Ванюша
Вишни, яблоки и груши.

И нарисован мальчик с яблоком в руках.

— А почему он не дает *мне*? — спрашивает Саша, улыбкой намекая на то, что понимает всю вздорность такого вопроса. Но с надеждой в голосе — чем чёрт не шутит? — вдруг бумажный мальчик раздобрится!

*

Галя укладывает Сашу спать, раздевает ее. Сашка пищит, хочет, бегает от нее по комнате. Самовлюбленно восклицает:

— И что я такая баловница!

Галя при этом проявляет неожиданную для меня начитанность:

— Ты, — говорит она, — как в «Обломове»: дрыгаешь ногами, не даешь ботинок снять.

Припоминаю: она зимой читала в какой-то хрестоматии отрывок «Сон Обломова».

*

Галя плохо подмела комнату, оставила много сору.

— Будет у тебя жених рябой, — говорю ей то, что говорили мне в таких случаях в детстве.

— А я никогда не женюсь, — отвечает она. — Все мужья злые, мне их не надо.

*

Галя:

— Мама, в каком классе будут объяснять, как дети рождаются? (Вот ведь какая проклятая проблема!)

31 июля 45.

Саша собирает малину, тщательно разыскивая только красные ягоды. Когда делится со мной (отколупывая какие-то микроскопические дольки), то восклицает со смесью тоски и восхищения:

— Ой, какая я не жадная, какая я не жадная!

Иногда, прежде чем поделиться, спрашивает с надеждой: «Мама, ты ведь не хочешь?»

30 августа 45.

Десять дней назад — 19 августа — Саша упала со второго этажа дачи в пролет лестницы. К счастью, вниз спустился Григо-

рий Давыдович Плинер, на фетровую шляпу которого и обрушилась Саша. Когда я выскочила на шум и крики в коридор, то в темноте нащупала Сашу на полу. Она лежала навзничь, раскинув ручки, и не кричала, а стонала. Я подняла ее, внесла в комнату — правый глазок у нее скосился, а личико было изжелта-бледное. Мы побежали к врачу. Он осмотрел Сашу, заставил ее пройтись, спросил, как все случилось.

— Я шла, — сказала она. — И упала. И было больно.

Глазок у нее стал на место, она перестала стонать, только выглядела очень усталой и хотела спать. Врач велел ждать — сутки решат, не будет ли мозговых явлений.

Мы ждали. Всё обошлось.

А упала она потому, что Шура в этот вечер привез ей новые ботиночки — они скользили. (*Все это знали, а проводить не могли. А. Б.*)

Когда Григорий Давыдович приехал снова, Саша предложила ему:

— Дядя Гриша, надень шляпу и иди по лестнице, а я опять на тебя упаду.

А между прочим, не спускайся дядя Гриша в тот час по лестнице, неизвестно, чем бы все кончилось.

*

Шура привез Саше игрушку.

— А Галечке? — спросила она тотчас же.

— Будете играть вместе, — ответил он.

— А Леночке? — спросила она опять.

*

— Папа, он не привез мне слона!

— Кто «он»?

— Ты.

2 сентября 45.

Берта Львовна говорит Саше:

— Вот и лето кончается... Как же мы будем с тобой друг без дружки?

— А я хочу с дружкой, — отвечает Саша.

*

Саша настаивает:

— Лена, давай играть: ты будешь немец, а я русская.

Лена не согласна. Саша возмущенно жалуется мне:

— Мама, ну скажи ей.

— Что же я ей скажу? Не хочет она быть немцем.

— А я хочу драться, я хочу кидать в нее кубики, пусть она будет немцем, а я буду русская!

*

Саша так вызывающе черна, что Кена зовет ее не Саша, а *Сажка*.

8 сентября 1945.

Приехали в гости Рая Облонская и Аня Штрих.

Саша рассказывает им:

— Папа Шура привез котят. Одного мне, а другого — больному мальчику Коле.

— Хороший у тебя папа, — замечают гости.

— Да, не жадный, — солидно соглашается Саша.

*

Саша бьет окружающих детей. При этом вопит так, как если бы колотили ее самое.

*

Саша говорит Валентине Николаевне:

— Этот медвежонок хочет тебе подариться!

10 октября 45. Ермолаевский, 27, кв. 5.

Галя осталась на Сретенке. Молчит, не протестует. [1]

24 октября 45.

Ата [2] принесла Саше в подарок «Сказку о глупом мышонке» Маршака. Сегодня Саша уселась за книжку и решила читать сама, долго пыталась начать и, наконец, ничего толком не вспомнив, сказала:

— Ну, в общем, кошка съела мышонка...

1 ноября.

Саша зовет частушки свистушками. Поет их охотно, не стесняясь.

*

Саша с упоением вещает:

— Одевают — не плачу! Раздевают — не плачу! Головку моют — не плачу! Кормят — не плачу! Лекарство дают — не плачу! Банки ставят — не плачу! Вот я какая!

4 ноября 45.

Шура допрашивает Сашу:

— Ты зачем ударила Милу?

— Я ее не ударила.

— Неправда, ты ее ударила.

— Я нечаянно ее ударила.

— Как это нечаянно?

— Я как дам ей... тихонько...

*

Шура ест простоквашу. Саша:

— Папа, помнишь, как ты ел простоквашу и оставлял мне, помнишь?

— Не помню! — угрюмо отвечает папа.

Но все же дает Саше простоквашу.

12 ноября 45.

Изо дня в день я рассказываю Саше примерно такую, более или менее правдивую историю:

«Жила-была мама Ата. Было у нее двое детей: старшего мальчика звали Тюша, а младшего Паша. Жили они на даче, и однажды мама Ата повела своих детей на пруд. Там она их искупала, а потом говорит: «Я сейчас поеду в город, а вы пойдите в сад, играйте там и качайтесь в гамаке. А на пруд без меня ходить не смейте». И вот мама уехала в Москву, а дети пошли в сад. Тюша был послушный и смиренно играл с песочком. А Паше захотелось на пруд, он взял да и пошел туда. Прыгал-прыгал на берегу, да *вдруг* как упадет в воду!

(Тут наступает момент, полный драматизма. Саша нервно притоптывает ножкой.)

Стал он барахтаться, плакать и *вдруг* видит: с одной стороны бежит к нему Бармалей и кричит: «Вот я возьму тебя, непослушного, к себе в мешок, будешь знать, как ходить на пруд без мамы». Паша заплакал, но *вдруг* услышал: «Не бойся, не бойся, я тебе помогу».

Смотрит Паша, а с другой стороны бежит ему на помощь Ваничка Розанов».

Все кончается благополучно: Ваничка добежал прежде Бармалея и вытащил Пашу. Но если Ваничка не появляется слишком долго, Саша, торопя меня, спрашивает: «Мама, а кто бежал с другой стороны?»

А иногда, желая, чтобы ей в неурочный час рассказали эту историю, Саша начинает допекать меня наводящими вопросами:

— Мама, когда Паша упал, то кто бежал с одной стороны?

А кто бежал с другой стороны? А что кричал Ваничка? А Бармалей что кричал?

Слушать может по двести пятьдесят раз на дню.

*

Была я сегодня у Гали. Она прочла «Таинственный сад» Бернет — автора «Лорда Фаунтлероя». Я тоже прочла — хорошо, по-моему. Рассказала Гале «Лорда» — так, как помнила его. Она слушала, затаив дыхание. Если б нашла, дала бы ей читать «Фаунтлероя», «Маленькую принцессу» той же Бернет, и «Маленькие женщины» Луизы Олькот, «Голубую цаплю» — не помню чью [3]. Хорошие были книжки.

Раза три назвала Галю Сашей. Она ничего не сказала, но взгляд у нее был строгий, укоризненный и взрослый. На днях она сказала Изе, приехавшему из армии в отпуск:

— Знаешь, обожди, пока я вырасту, я за тебя замуж пойду.

15 ноября 45.

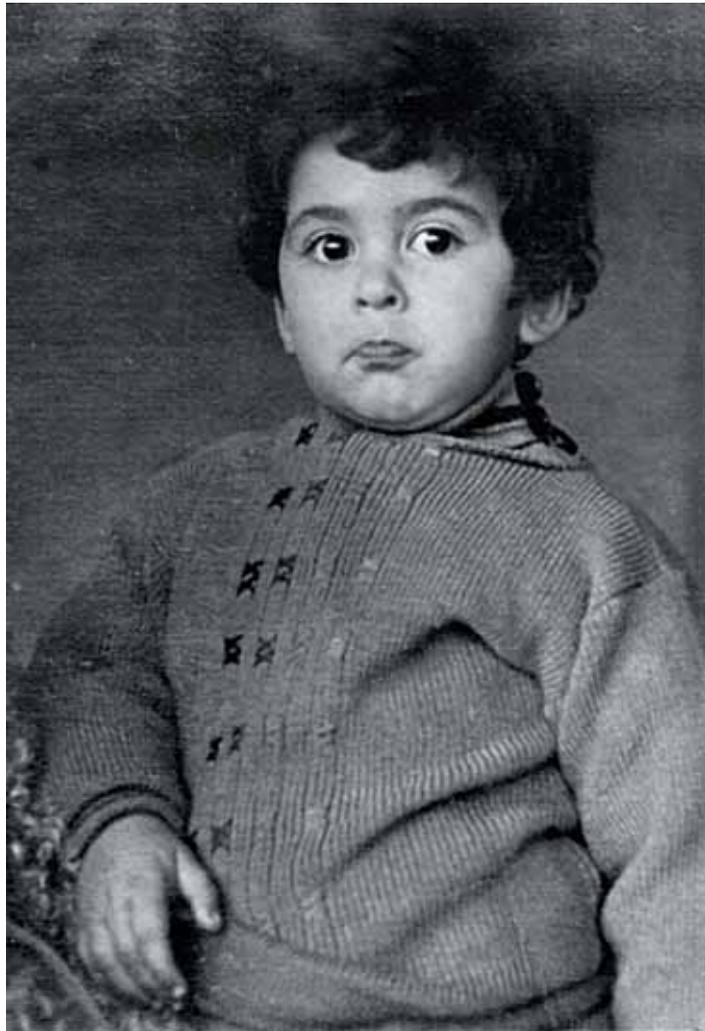
Саша:

— У меня три сестры: Галя на Сретенке, Лена и Мила.

— Мама, ты почему скучная? Вот Леночка, скоро Мила придет из школы... [4]

19 ноября. Запись А. Б.

Саша запоминает абсолютно все и все прекрасно понимает. Вчера утром дети шумели и мешали мне спать. Я сказал ей, что она только обещает быть хорошей, но не выполняет обещания.

Саша. 16 марта 1945 г.

Сегодня утром я спал спокойно, Сашу не слышал. Когда проснулся, она зашла ко мне:

— Папа, можно?

— Можно.

— Я не кричала?

— Нет, сегодня ты молодец!

— Папа, я тихая?

— Тихая.

— Я хорошая?

— Да, ты очень хорошая.

Но этого ей все же было мало.

— Папа, а ты говорил: «Ты только говоришь — не буду! А сама будешь...»

Она решила, видно, получить признание по всем талантам. Я выдал ей таковое. Она была очень горда и довольна. Значит, целые сутки, со вчерашнего утра, она помнила мой упрек.

*

Уговариваю Сашу не кричать.

И вдруг:

— Если бы ты был Сашей, а я была... нет, был... нет, была папой, ты бы тоже кричал!

И хохочет в восторге от своей мудрости, находчивости и неотразимости. Она права, ничего не скажешь!

(А. Б.)

20 ноября 45.

Саша не любит отступать от традиций. Утром, когда я ее одеваю, она просит рассказать о девочке и мальчике, которые изображены на коврике. Когда ее причесывают, она требует повесть о Паше и Тюше. Во время гуляния я, обычно по ее просьбе, рассказываю ей о том, как заблудился Севочка Барон. Историю я измыслила, такого на самом деле не было. То есть Севочка-то существует, но он не заблуждался.

21 ноября 45.

Саша не любит острых коллизий. Вот, например, на коврике, что висит над ее кроватью, изображены плачущая девочка и мальчик, довольно равнодушно на нее смотрящий. Я утверждаю, что это брат и сестра. Мама принесла им яблоко, велела поделиться, а мальчик съел яблоко сам. Вот сестра и плачет.

— Нет! — кричит Саша. — Он спрятал яблочко, он просто пошутил! Он не съел, он спрятал! Зачем она плачет?

Коврик этот был подарен тетей Ниной 26 марта 37 г. в день рождения Галки.

*

Саша колотит Лену. Много раз говорили ей: у Лены болит нога, не смей трогать Лену. А она покается, а потом нет-нет, да и хлопнет опять, и именно по ноге. И откуда такая подлость?

22 ноября 45.

Я:

— Разве это хорошо, что ты ударила Лену?

Саша:

— Разве это хорошо, что Вова ударил Вадика?

Я:

— Нет, ты скажи, разве хорошо, что ты Лену ударила?

Саша:

— А разве это не хорошо, что я Галю *не* ударила?

Так и не дала прямого ответа и все упирала на то, что она *не* ударила Галю, *не* ударила Милу и т. д. Подлый младенец все же.

*

— Мама, почему *тетя* Женя Пастернак и *дядя* Женя Пастернак? [5] — спрашивает Саша, лежа в постели, после долгого молчания. Видимо, напряженно размышляла об этом.

23 ноября 45.

Саше 3 с половиной года.

Знает все буквы, кроме мягкого знака и Э. Знает Ё, но Е путает с Ш. Иногда путает И с М и Т с Г. В остальном тверда. Запоминает с первого раза. Почти вундеркинд.

Хорошо строит из кубиков домики. Эти кубики наше спасение — Саша часами возится с ними, напевая убогие Шурины стихи:

Наша Саша строит дом
Строит дом она с трудом.
Вот построила она
Три стены и два окна.
Кубики зеленые —
Кубики дареные!
Кубики синие —
Кубики красивые!
Кубики красные —
Кубики прекрасные!

Есть еще желтые кубики, но к ним папа рифмы не придумал, сколько ни старался.

*

Сегодня я была у Гали. Спросила про отметки.

— Троечки! — ответила она лукаво.

— Это жаль. Покажи тетрадки.

— Сейчас покажу. Вот смотри — одна троечка, другая, третья... Смеется: там не тройки, а четверки.

Была очень довольна. Она. И я.

Скучает без Саши. Когда приходит сюда, бывает с ней очень нежна.

*

Забыла рассказать о том, как Галя встретилась с Эддой. Обе летом мечтали об этой встрече. У нас только и разговоров было: — Мама, когда же мы пойдем к Эдде?

Когда переехали с дачи в Москву, первый визит был к Эдде (которая, кстати, поступила в 1-й класс Галиной школы). Приходим. Мы с Норой ждали, что они кинутся друг другу в объятия. Ничуть не бывало. Остановились. Неловко поздоровались. Сели. Каждая взяла в руки книгу и принялась читать. Так и читали все время, пока мы с Норой разговаривали, исподтишка наблюдая эту странную встречу. Потом так же церемонно простились. «Эстетика сдержанности», как говаривала в своих лекциях Евгения Львовна Гальперина.

25 ноября 45.

Я Гале рассказала, как Саша вместо прямого ответа («Почему Лену ударила?») перечисляла всех, кого она не ударила. Галя засмеялась и сказала: «Какая наглая!»

28 ноября 45.

Построив что-нибудь из кубиков, Саша кричит: «Мама, у тебя есть дом! У тебя есть дача! У тебя есть кровать!» — в зависимости от того, что построено.

*

Галя сегодня позвонила мне на работу и сказала только: — Скучно, скучно, скучно без тебя! Скучно, скучно, скучно без Саши!

И положила трубку.

Придя в воскресенье и не застав Саши, сказала строго: — Я прошу тебя очень, по воскресеньям Сашу куда не отсылать, потому что я могу прийти в любое время...

*

Галя читает «Гулливер у лилипутов». Недавно прочла «Записки» Дурова. Читает сама. Читает много и с удовольствием.

*

Саша декламирует:

Лев Толстой нас учит ложно
Не влюбляться никогда.
Да, в его года возможно,
Но не в наши, господа!

Каюсь, выучила я. Напрасно, конечно, но очень уж забавно.

9 декабря 45.

Саша говорит: «Честное ленинское!» (Наверное, переняла у Милы.) Вместо «редакция» — «редацкая».

Галя говорит:

— Я прямо изнывала от нетерпения.

Вчера были на дне рождения у Паши. Девочки вели себя более или менее достойно. Но играли все порознь — Галя, Саша, Паша, Тюша — каждый был занят чем-то своим.

Утром первыми словами Саши было:

— Мама, я хочу к Паше!

Саше мальчики понравились, она говорит о них подобострастно.

Галя отнеслась к новым знакомым более критически:

— Много кричат, — сказала она. — А до игрушек своих дотронуться не дают.

Однако вчера долго не хотела уходить оттуда. Значит, тоже понравилось.

10 декабря 45.

За первую четверть у Галки были такие отметки: чтение — 5, арифметика, русский язык — 4, чистописание — 3. На днях, сидя за столом, сказала с улыбкой:

— Я умею учиться на «отлично», только мне неохота.

*

Галя:

— Мама, твоя Саша довольно скупая дама: делилась со мной шоколадом и дала мне крошечную дольку.

Портрет Ф. А. Вигдоровой
работы Е. В. Пастернак.
Масло. Начало 1940-х.

*

Мама Соня рассказывает, как у нее едва не стащили сумку. Галя, глубокомысленно:

— Просто тебе попался неопытный вор.

14 декабря 1945.

Саша:

— Папа, как зовут доктора?

— Доктор Гуревич.

— Я лучше буду звать его Гулливер.

*

Мы все сидели за столом на Сретенке, и каждый был занят своим делом. Галя перечитывала «Хижину дяди Тома». Вдруг она вскочила и, плача, крикнула:

— Я не могу больше читать!

Все всполошились, стали спрашивать, что случилось. Галя не отвечала и продолжала плакать. Я догадалась заглянуть в книгу: она была открыта на странице, где рассказывалось, как, после смерти Сен-Клера, Том узнает, что его продадут.

Оправившись, она стала мне объяснять, что «Это всё противная Марья виновата», имея в виду жену Сен-Клера — Мари.

18 декабря 45.

Некто Б., по профессии литературный критик, с профессиональной жестокостью излагал сегодня свою теорию воспитания малолетних.

— Моему сыну 6 с половиной лет, — говорил он. — Это чудесный парень. Однако я практикую регулярно следующие меры воздействия: малая ушедралка, большая ушедралка, порка обыкновенная, порка большая и порка по высшей категории — ремнем. Все это я практикую регулярно по четным и нечетным числам. Иначе погибнет мой сын, моя жена, я сам и все соседи, а дом наш рухнет.

Все это Саша слышала, но притворилась, что не понимает. Боюсь, что наш дом рухнет.

21 декабря 45.

Серьезно болен папа Аба. Я много времени провожу на Сретенке. И вижу всякое такое, что очень меня огорчает, мучает и пугает. Вот, например, слышу из соседней комнаты:

— Галочка, — говорит папа, — принеси мне, пожалуйста, из кухни мою чашку.

— Я читаю, — отвечает Галя.

Я была готова побить ее за это. Бить не била, однако, сказала все, что думала по этому поводу. Но я никогда не могу понять — дошло ли до нее. Лицо у нее было огорченное. Не оправдывалась.

22 декабря 45.

У Галки в дневнике за поведение — 5 с минусом. Она объясняет с улыбкой — довольно циничной:

— Это потому, что я болтаю...

Вот за это я сердиться на нее не в состоянии. Могу понять.

29 декабря 45.

«Мой милый, хороший,
Пришли мне калоши
И мне, и жене, и Тотоше», — декламирует Саша.
— А кто это — жена? — спрашиваю я.
— Это ты, — отвечает Саша.
— А кто мой муж?
— Папа Шура.
— А кто муж мамы Сони?
— Папа Аба.
— А кто муж тети Берты?
— Дядя Боря.
Все верно. Тогда я спрашиваю:
— А кто муж Кены? [б]
— Тетя Ира! — отвечает Саша.

7 января 1946 г. Москва.

Новый год начался скверно: Галка захворала дифтеритом, и сегодня ее отправили в больницу. Форма, к счастью, легкая. Уезжала она охотно и весело, так как любит все новое. Расспрашивала: какие там девочки, весело ли будет в больнице? Считала минуты, которые оставались до приезда машины.

Вливание перенесла мужественно, даже не вскрикнула, так как мама Соня предупредила ее, что папе Абе вредно волноваться и огорчаться.

Очень боимся за Сашу: 4-го января мы с Сашей пошли на Сретенку навеситить больного папу Абу. Галя и Саша были очень рады встрече, обнимали друг друга, вместе играли. А вечером оказалось, что температура у Гали повышена.

На обратном пути со Сретенки на Ермолаевский Саша изложила мне свои политические убеждения:

— Когда я пойду в школу, — сказала она, — то буду учить французский, английский и русский. А немецкий не буду. Немцы все очень плохие. Гитлер («Гитрер», иногда «Гитрель») очень плохой, хуже Бармалея. Я его боюсь. Если он будет к нам стучаться, ты ему не открывай. Если будет говорить тоненьким голоском, тоже не открывай. Немцы плохие, страшные и не любят хороших девочек.

*

Про себя Саша говорит:

— Я просто хорошая девочка Саша.

*

— Мама, ты меня любишь до слез или безумно?

17 января 46.

Галя уже вернулась из больницы. Миновал карантин и для Сашки: она не заболела. Я пока нахожусь на Сретенке, так как ухитрилась заболеть тут воспалением легких. Пришла навеситить папу и Галю, помочь маме в уходе за больными и свалилась сама.

Галя веселая, хорошая, каждый день готовит уроки, которые приносит ей школьная подружка.

Галка много читает. Сегодня я услышала из ее комнаты страшный лающий кашель.

— Что с тобой? — спрашиваю я испуганно.

— Тут в книжке сказано, — пояснила она, — что «кашель соседа походил на собачий лай», — вот я и хочу попробовать, как это получается.

*

Был у нас еще один любопытный разговор.

— Мама, — сказала она. — Я не могу понять, хороший был Колумб или плохой? И его жена — хорошая или плохая? (Галка прочла О. Гурьян «Христофор Колумб».)

— А почему ты сомневаешься?

— Ну, конечно, Колумб храбрый, мужественный, — ответила Галя, — но вот он был очень груб с матросами. Или вот его жена. Когда он ей сказал, что хочет перерезать море Тьмы, она ему запретила. А когда он согласился не ехать, она закричала на него и даже *упрекнула в трусости*. (!)

Это был сложный разговор. Я довольно коряво объяснила, что это только в сказках одни — очень хорошие, а другие — очень плохие. А в жизни, дескать, не так. И даже у Колумба были свои

недостатки. А потом подумала, что не в этом дело. Бедняге приходилось так худо, что в его положении любой бы стал грубить матросам.

*

Саша очаровательно разговаривает по телефону. Сегодня подробно доложила мне, как живет без меня, как скучает.

Саша дружит с Леной и замучивает ее до потери сознания своей нудной просьбой: «Почитай, почитай!..»

18 января 46. Ермолаевский.

Сегодня я вернулась на Ермолаевский. Саша встретила меня целой серией молчаливых глубоких вздохов. А Галя провожала плачем. Может быть, это объяснялось тем, что я не успела дочитать ей отрывок из «Странствия во мраке» Мартина Флавиана. Я прочла ей главу «Ему было всего 9 лет и ему очень нужны были санки». Она превосходно понимала, слушала с наслаждением. А когда я начала читать о велосипеде, за мной приехал Шура и пришлось чтение прервать.

Я было хотела объяснить ей, что означает слово «шериф», но она торопливо сказала:

— Читай, читай. Я знаю, это *милиционер*.

24 января 46.

Саша:

— Мама, ведь я не слушаюсь, почему же ты меня целуешь?

— Я знаю, что делают волки с плохими девочками: они их бьют и терзают...

— Суп — изумительный!

*

Саше купили воздушный шар. Проснувшись на следующее утро, Саша чуть не расплакалась, потому что большой шар превратился в маленький, с кулак величиной.

— Что ты с ним сделала? — воскликнула она с возмущением.

— Он просто похудел! — ответила я.

На днях Ян Сашин принес Саше шоколадку. Я дала ей кусочек, остальное положила в ящик. Вечером, когда Саша уснула, я несколько раз приложила к шоколаду сама, да еще угостила Шуру. Утром Саша первым делом помчалась к ящику. У меня сердце замерло. Но взглянув на шоколад, Саша сказала вполне добродушным тоном:

— Мама, посмотри, шоколадка похудела...

27 января 46.

Галя поет Саше (невероятно перевирая мотив):

— Рыбки уснули в пруду-у-у...

— Почему в пруду? Лучше бы они спали на песочке, — возражает Саша.

*

Галя говорит:

— Лену я люблю, она хорошая. А Милу не люблю и играть с ней не буду.

— Почему? Чем же она тебе не нравится?

— Она неправдивая. Подлиза. И надоеда.

Этот разговор мы продолжим. Интересно мне, что она имеет в виду.

18 февраля 46.

Саше 3 года 9 месяцев, Галке — 8 лет 11 месяцев.

Саша, оправившись от гриппа, говорит о себе:

— Сейчас я встану на свои слабые ножки.

*

— Саша, кому идти в аптеку за лекарством: мне или папе?

— Ты иди.

Я уязвлена:

— Почему же не папе?

— Он — долго... — отвечает Саша.

Очень наблюдательный ребенок.

*

Саша:

— Сейчас я построю домик, мама посмотрит и скажет: «Какая прелесть!»

Александр Иосифович Кулаковский,
Галин «папа Шура» (1912–1942).

19 февраля 46.

Мама рассказала мне, что Галя вернулась сегодня из школы заплаканная. Объяснила: «Мы пели песню “Отцы вернулись к нам домой”. А я петь не хотела. Только шевелила губами. Зачем я буду петь “отцы вернулись”, если мой папа не вернулся».

Это странно. Мне кажется, она почти не помнит Шуру, почти никогда о нем не спрашивает, и мне кажется, она не понимает своей потери. Но, видимо, это не так. Я иногда рассказываю ей о том, каким был Шура в детстве. Она слушает жадно. Но сама не спрашивает. Как-то спросила, правда:

— А папа Шура хорошо учился, когда был маленький?

И еще:

— Папа Шура любил играть со мной?

21 февраля 46.

Вчера, вернувшись с работы, я была ошеломлена известиями о том, как вела себя Саша: она мешала Шуру работать, проткнула карандашом лимон, облила супом телефон (всё нарочно), кидала мяч на стол и в зеркало, стучала чем ни попадя по Милиной чернильнице и т. д.

— Я тебя не люблю, — сказала я.

Она покорно удалилась.

— Саша! — крикнула я некоторое время спустя, собравшись укладывать ее спать. Она мигом примчалась:

— Ты меня уже любишь?

22 февраля 46.

Саша сказала только что:

— Мама, если мне позвонят, скажи: «Сашенька устала, она прилегла, позвоните позже». Или: «Она встанет — сама вам позвонит».

23 февраля 46.

Я щекотала Сашку, щипала щечки, дергала за уши. Она все терпела со снисходительной улыбкой, а потом произнесла горделиво:

— Как мама меня любит!

Вчера долго гладила меня обеими ручками по лицу. А потом спросила:

— Приятно?..

*

Саша поет:

— Ольбульбэли — опупели! Ольбульбэли — опупели!

— Саша, что такое ольбульбэли?

— Это такое платице! (?!)

*

Я рассказала Саше своими словами сказку о золотой рыбке («... А старуха говорит: попроси у рыбки отдельную квартиру с газом, новые туфли, шапку-кубанку и много пододеяльников...»). Эффект неожиданный: Саше жалко старуху:

— Зачем у нее всё отняли?

— Жадная она, понимаешь — жадная! — говорю я. — Чего же ее жалеть?

— Все равно жалко! — отвечает Саша.

*

Саша сказала кому-то: «Не ври! Ты врешь!»

Шура объяснил ей, что надо говорить не «врешь», а «ошибаешься».

Сегодня я сказала Саше:

— Не сбрасывай с себя одеяло.

Она ответила:

— Я не сбрасываю, не ошибайся, пожалуйста.

При этом вежливое «не ошибайся» звучит у нее совсем так же, как и «не ври».

*

Я принесла от дяди Бори Зутга в подарок Саше целлулоидного пупса. Все сказали: «Какой чудесный! Где это Борису Борисовичу удалось *поймать* такого?»

Саша с удивлением:

— А разве они бегают по улицам? Ведь они же голые!

27 февраля 46.

Всё, что мы ей говорим, она возвращает нам сполна:

— Мама, сейчас же подай мне кубик!

Или:

— Папа, ты в своем уме? Ты разрушил мой домик, все кубики упали!

И так далее.

Когда Шура ее шлепает (а только он и шлепает), она призывает на помощь все свое самообладание, только бы не заплакать: отворачивается, строит равнодушное лицо, говорит что-нибудь, не идущее к делу: «Какой у кошки хвост пушистый».

*

Шура:

— Саша, извинись передо мной!

Саша:

— Я устала...

(Продолжение следует)

[1] В октябре 1945 г. семья переехала со «Сретенки» (на самом деле квартира была на Сретенском бульваре) на Ермолаевский переулок, тоже в коммунальную квартиру. Галя осталась до конца учебного года с бабушкой и дедушкой на Сретенке, следующим летом на даче «воссоединилась» с семьей и в новую школу в сентябре 1946 г. пошла уже на Ермолаевском.

[2] Писательница Наталья Викторовна Соколова (Типот).

[3] Сесилия Джэмисон, «Леди Джэн, или Голубая цапля». Сейчас все эти книги переизданы.

[4] Знакомые ещё по Ташкенту и соседи по даче, Берта Львовна с мужем («дядей Борей»), с девочками Леной и Милой (и котом Маркизом!) жили целый год на Ермолаевском у Фриды Абрамовны — в одной из двух комнат, так как во время эвакуации у них отобрали московскую квартиру, и им нигде было жить.

[5] С художницей Евгенией Владимировной Пастернак, первой женой поэта, и их сыном Евгением Борисовичем Ф. А. познакомилась и подружилась в эвакуации в Ташкенте. Дружба продолжалась и в Москве.

[6] Кена Иосифовна была тогда не замужем. «Тетя Ира» — ее близкая подруга.

В пятом углу

1.

Многие если и не смотрели сами, то слышали про давний фильм «Ко мне, Мухтар!» Он был снят по рассказу писателя Израиля Меттера (1909–1996) «Мухтар» — про собаку из уголовного розыска и ее проводника, про то, как преступник, которого помогала взять собака, стрелял в нее в упор и что было потом...

Но Меттер — автор и других, меньше известных, но очень хороших произведений.

Личная судьба этого замечательного писателя была драматичной. В советские годы он не мог рассказать об этом в печати. Но зато написал в 1967 году повесть «Пятый угол» и положил ее в свой стол. Спустя 20 лет началось новое время, советская цензура отступала на глазах — и в 1987 году Меттер вынул рукопись из стола и выпустил свою повесть маленькой книжкой. Она так всем понравилась, что в 2009 году была переиздана. Недавно я купила ее и с удовольствием прочитала.

Эту книжку, о которой я рассказываю позже, можно, конечно, читать в любом возрасте, но не мешало бы прочесть до 16-ти — потому что чем раньше вы узнаете о некоторых чертах советского времени, тем скорее поумнеете и составите о той далекой для вас эпохе свое собственное мнение.

Если правду о своем времени он писал в 60-е годы «в стол», это совсем не значит, что в рассказах для печати он это время восхвалял. Меттер был человек очень честный и искал способ критически высказываться о своем времени и в подцензурной советской печати. И он его нашел — стал писать с виду бесхитростные рассказы для подростков и юношества, в которых был глубоко заложен критический заряд: в них подвергался беспощадному анализу *официальный советский язык*. Те самые *советизмы*, на которых сначала строилась речь партийных начальников на собраниях и их пропагандистские газетные статьи, но за полвека советской власти, к середине 60-х, они уже глубоко просочились в повседневную речь людей, делая ее бесцветной, тупо бюрократической.

В рассказе «Свободная тема» два главных героя. Это молодые учи-

теля — девушка и юноша. В повести постоянно слышится речь советских начальников — партийных чиновников районного масштаба: «Почему же вы нам не *сигнализировали?*», «Мы тут побеседовали с Ольгой Михайловной и с инспекторшей облоно. Обе они считают, что наша школа должна *реагировать*», «В этом классе у вас вообще *идейный разброд*», «...Нельзя подменять *воспитательную работу* развлечениями. Всею свое место и время... Мне кажется, Ольга Михайловна, что у вас слабо ведется *воспитательная работа* с учителями», «...И в целом педагог Охотников прививал своим ученикам *сомнительные* идеи, вредные по существу и далекие от *задач воспитания* нашей молодежи...», «Вы не уважаете *коллектив!* — крикнула инспекторша», «И еще он сказал, что совершенно согласен с инспектором: к педагогу Охотникову надо *присмотреться*»

Увольнение Охотникова из школы сопровождается привычным набором лицемерных напутствий:

«Больше того, я убежден, что в другой школе вам безусловно удастся *завоевать доверие* и любовь *коллектива*».

Он встал и протянул мне свою короткую руку, точно тем же движением, каким делал это год назад, когда направлял меня в эту школу, из которой сейчас убирал... И слова о доверии и любви коллектива он тоже произносил тогда. Насколько я заметил, он всегда разговаривает «крупноблочным» способом. У него нет в запасе отдельных слов, которые можно переставлять, а есть блоки, из которых он строит свою малогабаритную речь».

Охотников немало размышляет в повести над этими особенностями советской жизни: «Мальчиков и девочек мы учим в школе связному изложению своих мыслей, а тут взрослый дядя бубнит знакомые всем сочетания звуков, да еще записанные не им, а кем-нибудь из инспекторов. Может, потому и надо писать все это, что говорить без мыслей гораздо труднее? Попробуй выучи наизусть пустую трескотню, да еще такую, в которой нельзя переставить ни одного слова. Тут, действи-

тельно, уже вопрос механической памяти, а она может подвести».

Но не только размышляет, а то и дело почти инстинктивно противостоит ей в разговорах с разными персонажами рассказа.

«Человек должен быть *хозяином своей судьбы*».

— То есть? — спросил я.

Сам вопрос этот весьма примечателен. Дело в том, что в советской жизни предполагалось, что все *все понимают одинаково* — и все *говорят на одном языке*, не вдумываясь в содержание произносимого. На самом деле человек в Советском союзе ну никак уж не был *хозяином своей судьбы*. Но он должен был делать вид, что принимает это утверждение всерьез. Между тем второй герой рассказа сохранил свое живое и оригинальное отношение ко всему, что видит и в чем участвует, — и даже сумел не заразиться общесоветским языком. И он путает советским чиновникам, ведающим школьным образованием, все карты, — что неминуемо ведет к его увольнению из школы. На решающем собрании некоторые пытаются его защищать — но он сам им мешает, упорно не желая принять пустоту советского языка за норму.

«...Товарищ Охотников совершил грубые *ошибки*, но это потому, что он у нас недавно, вот *осознает* сейчас, *поварится* в общем котле, и все будет в порядке».

Когда мне дали слово, я с места сказал, что не могу *осознать* то, с чем не согласен».

И хотя девушке-героине он явно нравится, она все равно норовит его «воспитывать» — просто не знает, как иначе общаться. Их диалог — это две разных системы речи, поскольку она-то привычно пользуется советскими штампами.

«— Если хочешь с ребятами поговорить, то говоришь обо всем, а не то чтоб на определенную тему... Они же спрашивают о чем попало...»

— Значит, нам надо *идти у них на поводу?* — спросила я его».

«— Ты циник, — сказала Тамара. — Ты ни во что не веришь».

— Я верю в правду, — сказал я.

— Правда может быть *нашей*, а может быть и *не нашей*».

— Каким же путем ты узнаешь, чья она?

— А ты каким?

— Если я глубоко в нее верю, если она моя, значит, она *наша*. Потому что я ведь тоже *наш*. А тебе для выяснения истины надо непременно сбежать в райком комсомола».

«А я не могу свои *личные отношения* ставить выше общественных».

Молодой человек с его не омертвевшим языком — не уникален

в повести. Там действует еще пожилая учительница, которой так же, как ему, претят штампы советской речи, за которыми нет живого, сочувствующего отношения к людям.

«— Мне, милочка, уже поздно переучиваться.

Инспекторша улыбнулась.

— Учиться никогда не поздно, Варвара Никифоровна. Стоит ли проявлять такую *нетерпимость к критике?*

— Ах, да оставьте вы свои пошлости! — простонала вдруг Варвара Никифоровна.

Вот это «простонала» здесь особенно выразительно — слишком много лет пожилая интеллигентная учительница все это слышит, но привыкнуть не может и мучается.

2.

В другом рассказе Меттера тех же 60-х годов — «Два дня» — другой вариант: героиня рассказа хорошо понимает советский язык, но сама им не пользуется. «Если бы Маша Корнеева загодя меня предупредила, что в шестой группе имеются *нездоровые настроения*, я, может, как-нибудь подготовилась бы к этому и все обошлось бы без скандала».

Зато *старшие товарищи* (это выражение было очень в ходу в советское время) затоплиают свои разговоры с ней этим языком.

Вот героиню представляют в новом месте ее работы — в училище:

«—...Секретарь нашего комсомольского комитета. Опыта еще маловато, но вкус к общественной работе уже есть. Будет *работать с огоньком*», «— Вот это я понимаю, комсорг! — громко сказал он... Сразу видно *живинку в деле*», «Нашему училищу нужен опытный комсорг, делающий свое дело *с огоньком*, *с живинкой*, настоящий *вожак молодежи*...»

Интересно, что эта «живинка», попавшая в официальный, «партийный» язык из народной речи, полностью потеряла в ней всякую *живость*, превратившись в лицемерный псевдонародный орнамент *партийных установок*.

«—...Разве сотни тысяч комсомольцев, *по первому зову партии* отправившиеся на целину, не пренебрегли подчас собственной выгодой, удобствами, карьерой во имя общих интересов?»

«— *Иждивенческие настроения*, — сказала Вера Федоровна.

«—...И все для кого? Для наших девушек. Для их *светлого будущего*. А они еще фокусничают, крутят носом...»

И двадцать лет спустя эти же привычные слова мы встретим в пуб-

личном выступлении М. С. Горбачева перед открытием внеочередного Пленума ЦК КПСС, где его выберут генеральным секретарем и он начнет Перестройку: «Нам нужно набирать темпы, двигаться вперед... ясно видеть наше *светлое будущее*». Пытаясь повернуть страну к новому (и повернул!), он нередко продолжал пользоваться *старым советским языком* — ведь другого он, всю жизнь находясь на партийной работе, просто не знал.

В рассказе современного писателя Виктора Пелевина — рассуждение о том, как именно это происходило: «...У советского человека, помимо физического, имелось несколько тонких тел, как бы наложенных друг на друга: бытовое, производственное, партийное, военное, интернациональное и депутатское... Происходящее на комсомольском собрании практически не отличается от одержания духом — участники точно так же предоставляют свои тела некой силе, не являющейся их нормальным “я”, разница только в том, что здесь мы имеем дело с групповым одержанием системой. Смысл провозглашавшегося когда-то “*воспитания нового человека*” — сделать это одержание индивидуальным и постоянным».

В повести «Мухтар» Меттер демонстрировал, как одна недлинная фраза может содержать целый набор советизмов: «На общем собрании работников питомника Дуговец сказал, что *равняться надо именно по таким труженикам*, как проводник Глазчев, который относится к своим обязанностям не формально, а творчески».

В каждой повести Меттера появляются новые советизмы:

«Председатель сказал:

— Только этого не хватало в нашем героическом городе — *коллективки*! В условиях блокады *коллективка* — преступление, за которое надо карать по законам военного времени». («Пятый угол».)

В те же самые годы (1967–1968, «расцвет» брежневского времени) за «коллективку» *прорабатывают* (это — тоже советизм) на партийном собрании в Киеве известного писателя, автора знаменитой книги «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, а он защищается: «Я и до прочитанных вам здесь писем неоднократно подписывал *коллективные письма* и обращался с ними в вышестоящие органы власти и партии».

3.

В писавшейся «в стол» повести «Пятый угол» Меттер рассказывает о том, как его герою (в котором угады-

ваются автобиографические черты) сначала мешает пятый пункт анкеты (ее обязательно заполняли при поступлении в высшее учебное заведение) — «социальное положение»: «а было этих социальных категорий пять: рабочие, крестьяне, интеллигенция, служащие, кустары и пр. Я числился по самой последней, по пятой. Отец мой кормил семью из шести человек всеми доступными ему кустарными способами... Мы жили бедно, но анкетное клеймо горело на моем лбу — сын частника... Четыре года подряд я сдавал экзамены в институты, перетаскивая мои позорные документы из одной приемной комиссии в другую, и четырежды не находил своей фамилии в длинных списках принятых». А после войны «пятый пункт» — это национальность. И в этой графе у героя повести появляется слово «еврей». И начинается новая — только уже не объявляемая государством, а проводящаяся подспудно полоса дискриминации.

В этой повести автор демонстрирует и обсуждает особенности советской речи свободной, чем в печати, — фиксирует, например, такую важную черту советской жизни: «Долгие годы завоевывалось у нас право человека, описывающего исторические события, свидетелем которых он был, говорить от первого лица».

Не полагалось произносить местоимения «я». Следовало писать «мы». «Я» считалось недостоверным. Говорить надо было только от лица народа».

Венгерский писатель Дюла Ййеш заметил эту нашу особенность еще в середине 30-х годов в своей книге «Россия: 1934»: «Все здесь говорят во множественном числе. “В прошлом году, — заявляет некий поэт, — *мы* выплавили столько и столько-то тонн стали”. Я с удивлением смотрю на собеседника, взгляд мой против воли останавливается на его тонких, изнеженных пальцах. “Взялись *мы* окучивать капусту, — сообщает он чуть погодя, — и за две недели обработали сто восемьдесят тысяч гектаров”. И дальше, в том же духе: “Когда *мы* поднялись в стратосферу...” — “Как?! И вы тоже летали?” — “Нет-нет, трое ученых, которые, к несчастью, погибли”».

Усматривать ли в замене местоимений перестройку индивидуального самосознания и формирование коллективного духа? Кто такие эти «*мы*», кто тут с кем отождествляет себя?

Для западного слуха все это поначалу звучит странно. Как показывает приобретенный мною опыт, народ отождествляет себя лишь с

выстраданными бедами и причиненными ему несчастьями. “Да-а, войну мы проиграли”. Но экспроприацию скота проводили уже не мы, а правительство; по-моему, даже сами члены правительства формулируют именно так. «Мы прокладываем канал Москва—Волга», — говорят те, кто всего лишь одобряет это начинание. Остальные говорят: они.

Человеку с Запада, конечно, кажется подозрительным это странное единение».

Талантливые отечественные литераторы тоже хорошо видели эту черту и высмеивали ее. Протоиерей Михаил Ардов рассказывает в одной из своих мемуарных книг, как в середине 30-х кто-то из знакомых упрекнул Валентина Стенича (замечательного переводчика, которому через несколько лет суждено было безвинно погибнуть в застенках ленинградского Большого дома):

«— Нельзя называть большевиков “они”. Надо говорить “мы”!

— Ну ничего, — ответил Стенич, — придет время, “мы” “нам” покажем!»

После доклада Жданова в августе 1946 года, где он обвинил двух замечательных литераторов — Анну Ахматову и Михаила Зощенко — во всех немых грехах, их исключили из Союза писателей и лишили продуктовых карточек. Писатели и литературные критики дружно травили недавних уважаемых коллег в своих статьях. «Ведь Зощенко и Ахматова сильны не сами по себе, — писал Фадеев. — Они являются как бы двумя ипостасями глубоко чуждого и враждебного нам явления».

А Меттер оказался одним из *пяти* писателей, не побоявшихся хлопотать на писательском собрании после выступления затравленного Зощенко...

Вернемся к “я” и “мы”. Михаил Ардов вспоминает, как в конце 50-х — начале 60-х годов «Борис Леонидович [Пастернак] рассмешил Анну Андреевну [Ахматову] и всех нас такой фразой:

— Я знаю, я — “нам не нужен”...».

Издевался над этим официальным «мы» и великий Шостакович. Его дети вспоминают, как в 1960-е годы, «подойдя к кассе, мы увидели стоящего рядом с кассой Жана Поля Сартра, который старательно пересчитывал довольно толстую пачку купюр. (*Советская власть подкутала большими гонорами некоторых европейских писателей, чтобы они писали о ней хорошо. — М. Ч.*) Отец метнул на француза быстрый взгляд и шепнул мне в самое ухо:

— Мы не отрицаем материальной заинтересованности при переходе из лагеря реакции в лагерь прогресса».

4.

Напоследок — о том, как спекулировали советские властители словом «народ».

«— К вашему сведению, — сказал Дуговец, — кино снимается для *народа*.

— А я кто? — спросил Глазычев.

— А вы младший лейтенант милиции Глазычев». («Мухтар».)

Возлюбленная Пастернака, послужившая прототипом для обаятельной героини «Доктора Живаго», вспоминала разговор поэта с партийным начальником Поликарповым в 1958 году, когда началась официальная травля Пастернака за то, что он посмел передать рукопись своего собственного романа за гра-

ницу. «— Но гнев *народа* своими силами нам сейчас унять трудно, — заявил Поликарпов...

— Как вам не совестно, Дмитрий Поликарпович? — перебил Боря [Пастернак], — какой там гнев? “*Народ!*”, “*народ!*” — как будто вы его у себя из штанов вынимаете. Вы знаете прекрасно, что вам вообще нельзя произносить это слово — *народ*».

«...Некоторые литераторы, — докладывал в 1965 году в ЦК КПСС Комитет государственной безопасности о настроениях общества, — огульно чернят завоевания нашего *народа* последних лет».

«Масштабы фальсификаций со словом “*народ*” необозримы, — напишет Меттер в эти же годы в повести “Пятый угол”. — С тридцатых годов людей начали назначать в *народ* и исключать из *народа*. По существу же, титулом *народа* обладал один человек — Сталин...».

Профилактика амнезии

О книге Е. Т. Гайдара «Смуты и институты. Государство и эволюция», С-Пб, изд-во «Норма», 2010

У этой книги на редкость «громкоговорящая» обложка. Помимо фотографии толпы, сносящей памятник Дзержинскому на Лубянке, логотип Общественного совета «Уроки девяностых» — бегущий, размахивая белым и красным полотнищами, человек; серийная надпись «Книга для учителя» и имя автора — Е. Т. Гайдар. В самом деле, кто лучше поможет учителю осмыслить и донести до учеников уроки переломных для России девяностых годов, чем компетентнейший экономист и политик, который, по милости — в буквальном смысле слова! — истории, оказался в это время в сердце событий?

В книге объединены две работы Егора Тимуровича: самая последняя, «Смуты и институты», и написанная пятнадцать лет тому назад «Государство и эволюция». Собственно говоря, это второе издание книги с таким составом — первое имело название «Власть и собственность» и появилось в 2009 году, незадолго до смерти автора. Гайдар объяснял такое объединение тем, что обе работы связаны с проблемой выбора экономических и политических приоритетов, которая стоит перед современной Россией. В школе книга приобретает особое значение, потому что попадает в руки тех, кто проживает время личного выбора позиции в мире, в обществе, в стране, и тех, кто призван честно помочь им в этом выборе. Более или менее искусных охотников привлечь молодежь на свою сторону заклинаниями о национальной гордости, справедливости по принципу «отнять и поделить», спекуляциями на тему о славном прошлом, революционной романтикой и прочими старыми и новыми мифами предостаточно. По сравнению с их

риторикой Гайдар выглядит поразительно сдержанным. Он чужд попыткам манипулировать читателем, прельщать его броскими эпитетами, дешевой иронией или популистскими лозунгами — словом, чужд всякой «агрессивной риторики» (выражение самого Гайдара). Его стиль — прозрачная внятность и предельная корректность. Так говорят, когда уважают собеседника и предполагают в нем способность самостоятельно мыслить.

Гайдар обращается не к специалистам, а к самому широкому кругу читателей, ко всем, кому важно разобраться в современной отечественной истории. И предлагает им освоить такие категории, как собственность, общественные установления, не слишком привычные даже для тех, кто учит историю не по советским учебникам и уже не за гипнотизирован теорией всеобъемлющей и перманентной классовой борьбы, подобно старшим поколениям. Советские граждане экономикой изучали, как ружейные приемы, на раз-два. Раз — экономика капитализма в виде дохлого, отпрепарированного марксизма, два — экономика социализма, где уже ничего не надо учить, а достаточно усвоить один принцип: всё, как в первой части, только наоборот! С живой же экономикой в бытовых ее проявлениях: в виде биржи, акций, валютных курсов, прибыли, налогов — никто никогда не имел дела. Слово «налогоплательщик» встречалось только в заграничных фильмах, «рынок» ассоциировался с презренными торгашами, а за знакомство с «валютой» можно было дорого заплатить. Что же касается государства, то до сих пор не только школьники, а и вполне взрослые люди считают его одним большим карманом, в котором деньги растут сами собой, а весь вопрос в том, кому и сколько из этого кармана выдадут. Или подадут. А потому разговоры о политике часто напоминают драку на паперти.

«Если государство не может ни отказаться от расходных обязательств, ни собрать необходимые для их финансирования налоги, результат однозначен — это финансовый кризис». Формулировка кристально ясная, но только для тех, кто понимает связь между налогами и государственными расходами.

Читая Гайдара, понимаешь красоту избитого выражения «общественный организм». Экономические процессы действительно подчиняются законам своеобразной физиологии, а в физиологии, как известно, не бывает неизменных функций. Отменять собственность ради всеобщего процветания — все равно что отказаться от пищеварения для совершенствования высшей нервной деятельности.

Однако «Смуты и институты» — поговорим именно об этой работе — вовсе не учебник экономики. Это исследование политэкономии смут, «социальной болезни, сопоставимой... с голодом, крупномасштабными эпидемиями, войнами», когда ломаются все государственные установления и общество парализовано.

Гайдар выстраивает историческую ретроспективу: Франция в 1791–1793 годах, Россия после февраля и октября 1917-го и крах СССР. Каждый раз с математической точностью в сходных условиях возникают сходные проблемы, симптомы той самой болезни. Когда старый порядок рушится, а новый еще не установился, падает надежность денег, расстраивается промышленность, приходит в упадок транспортная система, крестьянам невыгодно продавать хлеб в город, а горожане голодают. И каждый раз правительство вынуждено

выбирать между двумя стратегиями. Первая — это регулирование цен на продовольствие (эта мера лежит на поверхности, гарантирует поддержку населения и всегда кажется очень действенной), а дальше, в зависимости от остроты ситуации, — разверстка, реквизиция продуктов в деревне в духе похода за хлебом с пулеметами. По этому пути пошли якобинцы, русское Временное правительство, его же избрала большевистская власть. Робеспьер с соратниками угодил на гильотину, Керенский — в изгнание, а Ленин сумел удержать

власть, вовремя отказавшись — на время — от политики принуждения крестьян. И ни в одном случае насилие над экономическими законами не привело к оздоровлению хозяйства. Горячка кнутом не лечится.

Вторая стратегия — отказ от силового вмешательства в экономику, стимулирование рыночных механизмов. Разумеется, это чревато ростом цен в городах, а значит, социальной напряженностью. Гарантии такое решение не дает, но дает надежду предотвратить голод и гражданскую войну.

В «Смутах и институтах», как в хорошем романе, есть кульминация. Гайдар описывает (и подтверждает описание цифрами, цитатами из писем должностных лиц и т. д.) положение в стране в начале 1992 года: «нет армии, работающих правоохранительных органов, границ, дееспособной судебной системы, устойчивого денежного обращения, валютных резервов». И рассказывает, как спустя несколько лет на международном экономическом семинаре в присутствии министров финансов и председателей центральных банков многих стран на вопрос, что надо было делать в такой ситуации, один из корифеев мировой экономики ответил: «Застрелиться». «Застрелиться можно, — соглашается Гайдар. — К сожалению, это не решит проблем».

«К концу 1991 года было ясно: тому, кто примет решение о либерализации цен, ужесточении бюджетной политики, придется за это дорого заплатить. К счастью, в России того времени был человек с яркой харизмой... В отличие от многих политиков, он думал о стране, о ее интересах, а не о создании режима личной власти». Мужеству Ельцина и Гайдара Россия обязана тем, что смута, вызванная падением советского режима, не привела к гуманитарной катастрофе.

К сожалению, до сих пор от каждого, кто пытается донести эту правду до общества, тоже требуется известное мужество. «Амнезия общественной памяти — естественная реакция на пережитые тяжелые годы революции 1991–1993 годов. Но если не знаешь правды о прошлом своей страны, то можешь сделать серьезные ошибки в будущем», — говорит Гайдар. Вряд ли амнезия излечима, но предохранить от нее молодые мозги вполне возможно. Именно в этом состоит задача учителей истории.

«Не могу понять, отчего это у нас продолжает твориться»

Валерий Рыбаков

Яблони роняют майский цвет,
Вьются пчелы, неловки спросонок,
А из-за крыльца глядит ребенок,
Четырех, пяти, шести ли лет...
Это я...

Так стихами вспомнилось мне сорок лет спустя детство в дедовском деревенском доме. В этих воспоминаниях как-то смутно всплывало еще имя Толстого — чем-то оно было связано с дедом, с каким-то письмом... И тогда же, листая в букинистическом магазине том академического Толстого, я наткнулся на такие строки:

С. Рыбакову
1909 г. Октябрь 9. Я. П.

Любезный брат,
Очень рад был получить ваше письмо. Не имею ни малейшего сомнения в вашей искренности. Общение с такими людьми, как вы, и мысль о том, что мои писания могли помочь им в духовном росте, составляют лучшую радость моей жизни.

Помогай вам бог неустанно двигаться на том пути духовного совершенствования и приближения к богу, на котором вы стоите, так же, как и я. Не огорчайтесь тем, что окружающие люди не понимают и осуждают вас. Это не может быть иначе. Надо только стараться, несмотря на все их осуждения, быть добрым и любовным к ним.

Посылаю вам книгу «На каждый день». Такие будут на все месяцы. Когда выйдут — пришлю вам.

Лев Толстой.

Да ведь это деду письмо! И адрес его — деревня Поповка (мы в детстве, правда, говорили «Поповское»), а Владимирская губерния — так, понятно, было до революции...

Живем мы порой так, словно у нас впереди тысяча лет; вот и вышло, что до дедовых писем (а их, узнал, было два) я добрался совсем не скоро...

А что я про него помнил? Последний раз, как я его видел, мне шел двенадцатый год; но уже несколько лет, встречаясь, вели мы «умные» разгово-

ры — да ведь, как и сорок лет назад, поговорить ему было не с кем... И среди прочего раз и навсегда разъяснил он мне про колхозы: когда я начал ему что-то из учебника, про бедняков и кулаков, он чуть ли не крикнул, горячо: «Валя, да когда землю дали, не могло быть никаких бедняков! Разве бездельник или пьяница!».

...И вот, музей Толстого на Пречистенке, и в старой, вероятно, довоенной еще, папке, письма...

Первое:

От крестьянина
Шуйского уезда
Владимирской
губернии,
Авдотьинской Волости,
деревни Поповка,
Бывших Господ
Шимеловых
Семена Рыбакова

(...Ну вот, сразу одна деревенская легенда и не подтвердилась: как и во многих других местах, селение разделялось на «верх» и «низ»; и говорили, что нижние прежде были крепостные, а мы, верхние — государственные... Нет, оказывается и здесь были бары; и помнили их...)

«Благодарнейший высококравственный старец, великий писатель земли русской, открывший слепым свет истины, Лев Николаевич Толстой! С пламенным сердцем и душевной любовью посылаю свое глубокое почтение и такое сердечное спасибо, которое не могу по своему малограмотству выразить в этих строках; долго не решался я беспокоить вас своим убогим письмом, зная, что вы и без меня много заняты, но чувство любви и уважения, которое получил я к вам благодаря как-то случайно попавшим вашему сочинения книгам (в чем моя вера, христианское учение, о жизни и краткое изложение евангелия) неудержимо заставило меня, хоть письменно, принести тому, кто открыл мне истину, и указал мне путь о смысле жизни...

(...И возникает догадка: кто-то, похоже, деду и советовал — если не что, то, как писать. Подумалось так потому, что, хоть само письмо вполне обыкновенно по почерку и грамотности, то конверт украшен изящнейшими, щегольскими росчерками профессионального «писателя» писем людям деревенским. От него, похоже, и искалтельное обращение «мужика» к «барину», графу — чего больше в письме уже не слышно. Но пойдём дальше.)

...я как лодка без гребца и руля то погружался, то выходил наверх, то в ту, то в другую сторону; то принимался крепко и религиозно верить в ту веру, в которой я воспитан, то оставался, находя заметную ложь, преподаваемую мне, когда я учился в школе, так называемое учение Божие; но чувство и разум мой искал чего-то — для меня неизвестного, и чем больше я возмужал умом и чем назидательнее я смотрел на все обряды и требы нашей церковной веры, тем более и более подрывалось доверие к ней, и когда мне случайно попались ваши вышеупомянутые книги, я как жаждущий с засохшим горлом и нашедший нечаянно свежий источник воды, с жадностью принялся пить его, и когда я сделался, по своему мнению, наполовину сыт, со мной сделался большой переворот, от меня как будто свалился тяжелый груз... не потому я поверил этому, что много написано ученым человеком и складно изложено... но я поверил и успокоился более потому, что объяснение это вполне согласно с требованием моей совести и давно назревшего моего вопроса...

(...Вы не завидуете этим, порой неловким, но таким искренним строкам? Я, без скидки на родственность, — завидую. Много ли сегодня тех, кто вот так, безоглядно, обратится к незнакомому и знаменитому «барину» за духовной помощью? И не мальчишка это пишет, не гимназист — деревенский отец семейства, у которого уже четверо детей...

И другое: а к кому сегодня можно кинуться за такой помощью? Вот этот тягостный вопрос, может, заставит нас взглянуть: чего же оно стоит, наше время? Но почитаем дальше, письмо недлинное...)

...конечно, вы можете подумать, что все это писано легкомысленно или лицемерно; вот в этом-то и дело, у меня одного недостает, нет средств лично увидеть вас и принести вам искреннюю благодарность... если пись-

Лев Николаевич и Софья Андреевна Толстые в Ясной Поляне

мо мое дошло до вашей личности, покорнейше прошу отписать хоть две строки, чем я останусь более всего довольным, как будто я лично видел вас и разделил с вами мое мнение... из среды людей окружающих меня почти нет никого, кто бы был согласен с моим мнением; так это кажется странным, что большая часть людей, познакомившись с моим мнением, считает меня безБожником...

Семен Рыбаков, от роду 35 лет

Нам сегодня трудно представить, что значило в тогдашней России имя и слово Толстого и сколько людей писало ему. Писало с разными целями: иные, от архиереев до приказчиков, желали обличить в заблуждениях и вернуть на истинный путь; много было и тех, кто желал вовлечь его в собственные начинания, от открытия вегетарианской столовой до открытия же золотых приисков. Много тех, кто просил (а то и требовал) «помочь материально», — чтобы поступить учиться, открыть лавочку, а то «начать новую жизнь» после многолетнего пьянства. Но и немало было писем — а их Лев Николаевич нередко помечал словом «хорошее», — где речь шла не о практических целях, пусть даже и благородных, а о состоянии и пути души, ее поведении в мире. Вот такая отметка есть и на конверте дедова письма; видно, услышалась его искренняя горячность...

А о чем думали, говорили и писали в те дни, в сентябре–октябре 1909-го, в Ясной Поляне? В ту пору жил там Душан Петрович Маковицкий, обрусевший словак, врач, а еще более — летописец жизни Ясной Поляны последних толстовских лет. К нему и обратимся.

Обычная жизнь Толстого: одинокие пешие прогулки поутру, чтение писем и ответы (за первую половину октября их написано около сотни), чтение книг и газет («сплошные ужасы...»), долгие поездки верхом, — ему 81 год, да ведь задолго до этих лет ходило мнение, что Л. Н. был вторым наездником в России: первый какой-то великий князь, а второй — он...

Приезжали: музыкант Гольденвейзер, депутат Думы, борец с пьянством Челышев, сыновья Андрей и Илья. А вот еще примечательное. «...Письмо крестьянина Владимирской губернии, полученное вчера. Л. Н. прочел его Челышеву. Удивительное письмо». Не дедово ли? По времени — совпадает.

А что делали в то время в деревне Поповское? Начало осени — может быть, докапывали картошку. Молотили. Пахали зябь. Вечерами, при керосине (а электричества не было и 30 лет спустя, перед войной), дед, вероятно, читал. Или возился с мальчиками — четверо, мал мала меньше (моему отцу было два года). Ждал письма из Ясной Поляны.

Почта тогда работала не по-нашему: 5 октября на конверте ставят штамп: «Иваново-Вознесенск Владимирской губ», а 9-го Толстой уже пишет ответ! Значит, в Ясную Поляну оно пришло не позже 7-го; но и заметим: у Льва Николаевича вызвало немедленное желание отозваться, хоть письмо из многих схожих...

Но когда читаешь толстовские письма одно за другим, нарастает ощущение, что почти любой из его заочных собеседников (если не брать письма явно тупые или враждебные) вызывает у него сердечный отзвук. И объяснение находим буквально рядом — на той же странице, где и письмо деду. Некому молодому единомышленнику, Петру Прокофьевичу Картушину Толстой пишет: «Я для себя придумал в последнее время молитву, которую стараюсь повторять, входя в общение с людьми не только непосредственное, но и письменное, в мыслях даже. Я говорю: *помоги мне быть с тобою*. Тот, к которому я обращаюсь, во всем и во мне».

Прочтя эти строки, современный психолог изумится, найдя в них почти буквальную формулировку одного из новейших подходов нынешней психотерапии. Но в них, думается, речь не только о собеседнике, но и о том, что Лев Николаевич называл словом «Бог», некоем высшем духовном начале, общем для всех людей — и тем их соединяющем. «Я с тобой — и тем с Богом в тебе».

В деревне Поповское письмо Толстого читали, как видно, внимательно, многократно: только через месяц дед решил написать снова. И это письмо тоже начинается с благодарственных славословий, а продолжается новыми вопросами.

...в них (*ваших сочинениях*, — В. Р.) я нахожу самое лучшее удовлетворение моей духовной природы, в них я нахожу что-то общее с моим мнением, и мне они никогда не делаются скучными; чем более я вникаю в смысл сочинения... тем внутренняя борьба моих мыслей делается искреннее, только к сожалению мало остается от нашего неопределенного труда время... хотел бы высказать вам все, что у меня накопилось неразрешимого на сердце...хотя людей с моим и вашим мнением нет около меня и пяти... Это меня не так удивляет, потому что не легко освободиться от извращенного церковного учения, но странно... не раз беседовал я с нашими сельскими учителями — почему они не свободны от обмана веры? И более всего мне сделалось неприятно, когда случайно пришлось читать прошлого года 5 сентября газету «Ивановский листок», в котором встретилось какое-то безумие редактора этой газеты, который старательно критиковал все ваши сочинения, называя вас Кумиром Политических

партий, указывая читателям, что вы скрываете истину от людей. Меня это очень разгорячило, хотел, хотел идти лично и укорить в невежестве... но по мере вдумчивости отложил это предприятие... пусть думает каждый по-своему, насилие плохое орудие... Но эти взгляды образованных людей на ваше сочинение тревожат меня... и не могу понять. Отчего все это у нас продолжает твориться, почему нельзя прямо и просто глядеть на истину...»

На это письмо Толстой уже не отвечал, лишь велел своим помощникам еще послать книгу; да ведь на вопрос «Почему это продолжает твориться» — и ему что бы ответить?

Сто один год миновал с тех осенних дней. Художественные творения и творчество Толстого нисколько не упали и не потускнели за этот век: по-прежнему читают его во всем мире; открыты на любой странице «Хаджи-Мурата» или «Фальшивый купон» — как родниковой воды напиться...

И еще одним остался с нами Толстой — как патриарх уже столетие разрастающегося рода. На недавней встрече его потомков в Ясной Поляне их собралось около 150 человек; а всего в мире их, считают, около трех с половиной сотен...

Но и другое придется признать: социальная, религиозная мысль Толстого — полузабыта, искажена и оболгана. Не знаю, как в мире, а встречали ли вы в сегодняшней России толстовцев? Прежние-то толстовские коммуны и открытых последователей большевики извели к концу 30-х годов... Сами эти его работы они прямо не запрещали; но немногие могли добраться до них на страницах малотиражного академического издания. Зато у всех со школьных лет залетела в голову гаденькая, но прилипчивая ленинская ирония насчет «самосовершенствования», «непротивления» и «рисовых котлеток». А между тем в идее самосовершенствования лежала азбучная и абсолютно неопровержимая мысль: как техническому невежде нельзя доверять строительство железной дороги или парохода, так создание «нового общества» и воплощение социальной справедливости безнадежно поручать людям неясных нравственных начал... А что они не просто неясны окажутся, а низки и аморальны — Толстой не сомневался...

Вдруг подумалось: а вспомнил ли кто из «старых большевиков», когда молодые последователи волокли их в расстрельные подвалы, — что Толстой такое развитие событий предсказал? Мысль его двигалась так: поскольку для революционеров насилие — «повиальная бабка истории», то при их победе наверху окажутся люди, способные к наибольшему количеству насилия, то есть самые нравственно низкие и неразборчивые. А вслед поднимутся на-

верх (и уничтожат их) те, кто еще более жесток, низок и неразборчив. Вот вам «37-й год» — в самом кратком очерке...

...А как прожил свою часть этого века адресат Толстого, крестьянин Семен Рыбаков? Он пережил своего собеседника на 37 лет, да ведь и младше был на 46. В колхоз ухитрился не вступить; впрочем, было у него нужное в селе занятие — деревенского сапожника. Перед войной, помню, были и корова, и лошадь, потом продали — сначала лошадь, потом корову, в 47-м. И тут грянула беда — денежная реформа, и деньги «сгорели». Как доживали они с бабкой последние дни — не буду приводить узанных позднее мучающих подробностей. Конечно, мог бы попросить помочь сыновей, но, видать, гордость, мужицкая гордость...

...Из четырех его сыновей никто в деревне не остался. Один стал, как в старину говорили, «фабричным», другой дослужился до полковника МГБ, дядя Иван и мой отец стали городскими «специалистами сельского хозяйства». Дядя Иван погиб рано, в войну, — и не на фронте, а в тылу, от несчастного случая.

А мой отец? Что ж, ему досыта досталось всего, чем одарил двадцатый век родившихся в его начале. После института послан он был в старинный Каргополь, работать в тамошнем райземотделе, поднимать сельское хозяйство. И там же, вместе с другими, был вскоре арестован как этого самого хозяйства «вредитель». Получил «высшую меру», потом снизили до лагеря, а при смене Ежова на Берия освободили и в чистую. Правда, потом дома говорили: помогло еще, что следователь его сошел с ума и прилюдно укусил то ли судью, то ли прокурора. Да и брат Иван, хоть совслужащий и партийный, не боялся поехать, как тогда говорили на «пересуд».

Потом учительствовал, воевал — все положенное время просидел на Малой Земле, даже не ранили. Помню, как совершенно по-детски хохотал, слушая про подвиги Леонида Ильича. Вернулся, снова преподавал. Под конец жизни дождался внуков.

Последний раз в деревне Поповское мы с ним были, помнится, году в 78-м. Дедов дом давно разобрал и свез в свою деревню какой-то дальний родственник; зато сад сиял, во всей своей осенней щедрости, чистоте и заброшенности; яблоки хрустели под ногами, хотя я и старался не наступать на них... А высоченный сеной сарай, где в давние годы спал летом, словно врос в землю: нижние венцы сруба постепенно подгнивали, их вынимали, и стал он чьим-то приземистым курятником...

Лишь липы нисколько не состарились, а лишь возмужали, особенно одна, могучая, посреди деревни, и на ней, как и тогда, висело чугунное било — созывать селян на сход.

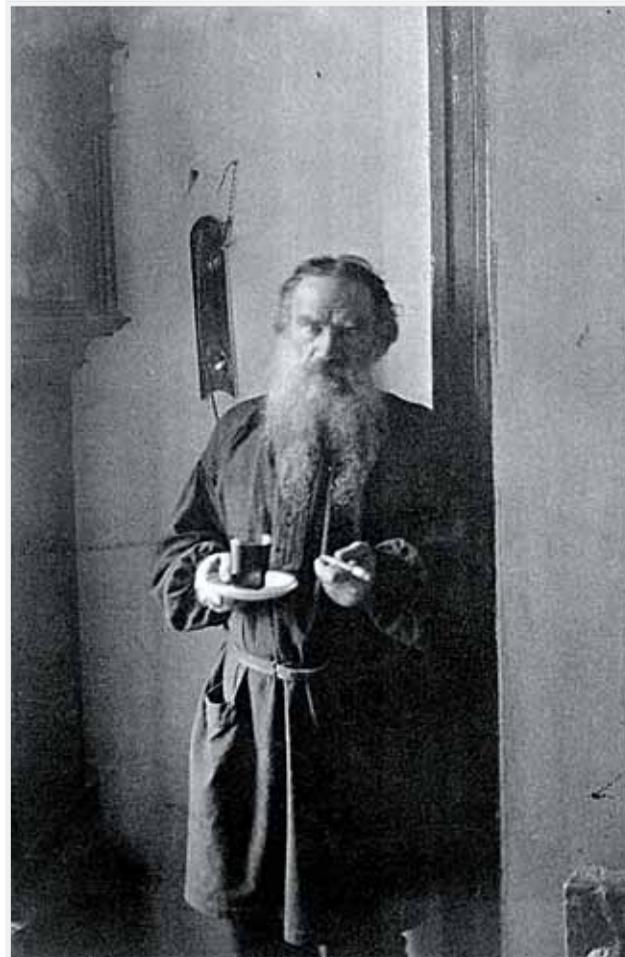
Кого-то созвать еще можно было: деревня не обезлюдела, не опустела.

Но из расспросов узналось: из прежних исконных жителей крестьянствуют лишь в одном дворе. Во всех остальных, как и в половине деревень средней России, живут родившиеся здесь или пришлые — дачники.

Как завершилась жизнь двух других отцовых братьев, не знаю, связи в России в прошедшем веке так легко рвались... Зато «вечные вопросы» — нам те же и остались! Попытались мы здесь увидеть-услышать, о чем говорили в Ясной Поляне осенью сто один год назад, — так ведь и сегодня в России говорят о том же! О народном пьянстве, о земельном вопросе, о террористах, о тупости властей... И не отвязаться от мысли, уже высказанной не раз, а впервые, кажется, Александром Исаевичем Солженицыным: свой двадцатый век Россия *проиграла*. Ведь, следуя Толстому, повторял и повторял Солженицын: источник силы или бессилия общества его духовный уровень... А каков он, наш духовный уровень?

Вот такие дела, дед... Прости нас...

Прости нас, Лев Николаевич...

Автор и редакция журнала выражает сердечную благодарность Государственному музею Л. Н. Толстого и лично Татьяне Георгиевне Никифоровой за предоставление архивных материалов.

Читатель заметил, наверное, появлявшуюся в нескольких номерах журнала (№ 3, 4, 6, 7) рубрику «Звучащие сказки». Надеемся, ее материалы помогли родителям справиться с недостатками в развитии речи детей, совершенствовать артикуляцию, закреплять произношение тех или иных звуков, а также расширить словарный запас ребенка, обогатить его представления об окружающем, развить восприятие, память, мышление, научить его пересказывать услышанное, обсуждать то, о чем говорится в сказке.

Публикуемая здесь сказка — последняя. Но родители сами могут продолжить рубрику. Ребенок слышит журчанье воды, раскаты грома, курлыканье журавлей, автомобильные гудки... И про все эти звуки вы с ним можете придумать свои сказки...

ЗВОН

Пожалуй, это не сказка, это всё бывает по-настоящему. Ты забирался когда-нибудь на колокольню и слышал, как в вышине звучат колокола? Если нет, то хочу тебе рассказать об этом...

Колокольня была очень старой, стены ее потрескались. Казалось, что ее держит крутая лестница. Такая кругая, что с нее страшно было смотреть вниз, хотелось зажмуриться и крепко держаться за перила. Что-то в душе замирало, хотелось остановиться и взглянуть вниз — и в то же время хотелось, ухватившись за перила, подниматься выше и выше. Лестница чудесно пахла только что обструганным деревом. Этот запах и запах ветра (а там, наверху, ветер совсем другой — свежий и резкий) переносили нас на идущий под парусами корабль. Забравшись наверх, ты словно оказывался на вершине корабельной мачты и чувствовал себя как мореплаватель, вооруженный подзорной трубой. Во все стороны открывался простор: лес, поля, река и небо, небо...

На колокольне висели колокола: большие, средние и маленькие. Даже по их виду можно было понять, что у каждого из них свой голос и характер.

Звонарь ударил в колокола. Сначала зазвучал самый большой. «Бом-бом, дон-дон» — низкий звук, перекатывался через поля, реку, лес. Спустя мгновение раздалось: «Дин-дон, дин-дин-дон» — новый звон с ко-

локольни. А следом словно легкий звонкий голосок запел: «Динь-динь-динь, динь-дигидон-динь-динь». Звонарь снова ударил в большой колокол, и все звуки слились вместе.

«Бом-бом, дон-дон, — говорил большой колокол. — Велика земля со своими высокими горами, огненными вулканами, бескрайними океанами. Велик человек, живущий на ней, он построил умные машины и большие города, он не боится преград». «Дин-дон, дин-дин-дон, — вторили ему колокола поменьше. — Земля просторна, земля красива. Плавно текут реки, шумят леса, колышутся травы в полях, облака плывут по небу. Человек, живущий на земле, уверен в себе, он мудр, он умеет разгадывать загадки природы».

«Динь-динь-динь, динь-дигидон-динь-динь, — звенело в воздухе. — Земля — веселая, радостная и звонкая. Звенят ручьи, щебечут птицы, можно бегать под дождем и шлепать по лужам, петь на разные голоса. Человек, живущий на земле, умеет звонко смеяться...»

«Бом-бом, дон-дон», «Дин-дон», «Дин-дин-дон», «Динь-динь-динь, динь-дигидон-динь-динь», — звонарь звонил все сильнее. Потом остановился...

Звонарь остановился, а звук продолжал лететь над полями, над рекой...

Малыш выслушал ваш рассказ. Теперь можно поговорить с ним.

Спросите его:

— Какие звуки и сочетания звуков ты сейчас услышал?

— Ты можешь изобразить своим голосом, как звонит большой колокол?

— А как звонят колокола поменьше?

— Попробуй «позвонить» голосом так, чтобы тебя было слышно далеко.

— Поиграй в «эхо» с кем-нибудь из друзей: один произносит звук, сочетание звуков или слово, а другой откликается.

— Объясни, что значат слова колокольня, мореплаватель, мачта.

— Какие слова ты раньше не слышал или не знал их значения?

— Перескажи, о чем говорили колокола, что означал их звон.

— Расскажи о какой-нибудь интересной истории из твоей жизни.

К праздничному столу

Крабовый рулет

50 г сливочного масла растопить в сотейнике и добавить полстакана муки. Держать на малом огне, пока масса не загустеет. Тонкой стружкой, все время помешивая, влить два стакана молока. Как только смесь начнет закипать, снять с огня.

Вбить в мучную смесь четыре желтка (белки оставить в холодильнике), добавить пару зубчиков измельченного чеснока, соль, перец. Дать остыть до комнатной температуры.

Четыре яичных белка взбить в густую пену, соединить с мучной смесью, всыпать треть стакана тертого сыра. На противень постелить пергамент, смазать его растительным маслом и вылить полученное суфле. Разровнять его и запекать в духовке при температуре 180 градусов минут 30.

Пока суфле остывает, приготовить начинку. Крабовые палочки (два пакета) нарезать небольшими кусочками, добавить к ним томленный на масле зеленый лук, зелень и 200 г плавленого сыра (натереть или мелко нарезать). Посолить, поперчить по вкусу. Начинку выложить на остывшее суфле, разровнять и свернуть рулетом. Завернуть рулет в полиэтиленовую пленку и дать постоять час-два.

Отправить в холодильник до времени, когда собираетесь подавать блюдо на стол.

Индейка с соусом из грецких орехов

1 небольшая индейка, 2–3 куриных бульонных кубика, 1 чайная ложка соли, 1 чайная ложка черного перца горошком, 1 пучок петрушки.
Для соуса: 250 г сметаны, стакан очищенных грецких орехов, 2 столовые ложки лимонного сока, 1–2 зубчика чеснока.

Положить индейку в кастрюлю. Полностью залить птицу водой, довести до кипения, снимая пену. Добавить бульонные кубики и приправы и варить на медленном огне полтора часа. Остывшую индейку вынуть из бульона, удалить все кости и сухожилия. Приготовить соус. Орехи растолочь с чесноком, смешать сначала с лимонным соком, затем — со сметаной. Положить кусочки индейки в огнеупорную посуду, сверху полить приготовленным соусом. Соль и пряности — по вкусу. Запекать в заранее разогретой духовке до образования красивой золотистой корочки.

Заварная башенка

Нагреть стакан воды, добавить щепотку соли и 100 г сливочного масла кусочками, довести до кипения. Всыпать сразу стакан просеянной муки, быстро замесить тесто, снять с огня и мешать, пока тесто не станет отходить от стенок. Слегка остудить и вбить одно за другим 3 яйца. Выложить небольшие шарики теста на противень с пергаментом, оставляя между ними по 2–4 см. Выпекать при температуре 180 градусов 15–20 минут. Остудить.

Затем каждое пирожное наполнить кремом. Можно взять разные кремы: масляный, заварной, творожный, с фруктами, орехами... Но главное вот в чем: из плотной бумаги надо свернуть конус, скрепить его по шву и опустить углом в пустую банку. Положить первое пирожное в конус, а все следующие опускать в растопленный шоколад и складывать одно на другое, чтобы они сцеплялись. Поставить всё в холодильник на час. Перевернуть конус на блюдо и аккуратно снять бумагу. Прекрасное угощение к чаю и кофе!

Шука кольцом фаршированная

Очень удобное блюдо: всё готово заранее. В шуку много чего можно положить, в том числе и оливки. Но с нее придется, не отрезая у рыбы головы, снять, как чулок, с тушки кожу.

Мякоть отделить от костей, добавить замоченный в молоке хлеб. Все это измельчить в блендере (или пропустить через мелкую решетку мясорубки), вбить сырое яйцо. Фарш перемешать.

По пучку петрушки, укропа, зеленого лука мелко порубить, прибавить измельченного чеснока. Оливки без косточек откинуть на сито и порезать колечками. Соединить все это с фаршем, посолить, поперчить и перемешать. Наполнить фаршем щучью кожу. Круглую форму для запекания смазать растительным маслом. Уложить тушку по краю, замкнув кольцо головой и хвостом. Смазать ее яйцом и запекать в духовке (при 200 градусах) примерно 1 час, максимум 1 час 15 минут.

Фаршированные кальмары

Когда половинки яиц начинают красной икрой — это верный признак достатка. Но здесь не яйца фаршируют, яйцами кальмаров. Надо купить замороженных мини-кальмаров (они с куриное яйцо), разморозить в холодильнике, очистить и залить кипятком на три-пять минут. А крутые яйца порубить и смешать с майонезом, измельченным укропом, посолить, поперчить. И нафаршировать ими кальмарчики. Уложить их на укропные веточки, а сверху украсить красной икрой.

Заливное из шампиньонов

Заливное — очень русская еда, но почему обязательно — рыба? Полкило грибов (порезать пополам вдоль) отварить в одном литре воды: огонь сначала сильный, затем снять пену и уменьшить жар, посолить и поперчить сразу. На малом огне варить грибы минут десять, грибы выложить, а в отвар на две минуты погрузить тонко нашинкованные три красных сладких перца. Станут мягкими — их тоже вынуть. Отвар процедить и остудить (чтобы был теплым), тогда растворить в нем 30 г замоченного и отжатого желатина.

В форму уложить грибы и перец. Залить их отваром с желатином. Отвар остынет — поместить его в холодильник застывать. Когда застынет, переверните — сквозь прозрачное заливное, будут видны грибы.

Игры возле ёлки

Пожми руку

В эту игру можно играть прямо за праздничным столом. Все берут друг друга за руки под столом. Надо выбрать водящего и первого игрока, с которого начинается игра. Этот первый сжимает руку соседа, тот передает пожатие следующему.

По сигналу игра останавливается, а водящий должен угадать, на ком остановилось пожатие. Если ему это удалось, то водящим становится тот, кого угадали. Если нет — водящий продолжает водить.

Кто кого перепоеёт

Каждый вспоминает любимую песню. По хлопку ведущего играющие начинают петь, но не вслух, а про себя. А когда ведущий хлопнет дважды, все

продолжают петь вслух. Главное — не перепутать мелодию и слова. Кто допоеет песню до конца, не сбившись?

Собираем грибы

Каждому дают в руки корзинку, и завязывают глаза. По полу разбрасывают разные мелкие предметы. Побеждает тот, кто за условленное время наберет больше «грибов».

Включи книгу в розетку

Играющие на одних листочках бумаги пишут названия предметов, а на других — то, что можно сделать с эти-

ливают пение. Водящий должен понять, кто из хоровода перед ним оказался. Если угадает, названный им становится водящим. Если нет, игра продолжается.

Летают шарики

У каждого играющего свой шарик. Чтобы их не перепутать, можно на них что-нибудь нарисовать или пометить цифрами. Задача — щелчками удерживать шарик в воздухе. Делают это все одновременно. У кого-то получится лучше.

Разноцветное

Играющие становятся в круг. По команде ведущего: «Дотроньтесь до желтого, раз, два, три!» они стараются быстрее взяться за любую вещь, попавшуюся на глаза названного цвета. Кто не успел, выбывает из игры. Ведущий снова повторяет команду, но уже с новым цветом. Побеждает оставшийся последним.

Снежинки

Из ваты делают комочки, напоминающие снежинку. По сигналу ведущего играющие начинают дуть снизу на свой комочек так, чтобы он удерживался в воздухе как можно дольше. Чья снежинка так и не упадет?

Нос — на место

На большом листе бумаги, прикрепленном к стенке, нарисован снеговик без носа. Слепленный из пластилина нос играющие по очереди с завязанными глазами пытаются прикрепить на место. Обычно получается весело.

Наряди ёлку

Елочные игрушки из ваты (яблочки, груши, рыбки) с проволочными крючками нужно с помощью удочки (тоже с крючком) повесить на елку, а потом той же удочкой снять их. Выигрывает тот, кто сумеет сделать это за условленное время.

Что растёт на ёлке?

Играющие в течение условленного времени внимательно рассматривают елку. Отвернувшись, надо перечислить все, что на ней висит. Выигрывает тот, кто вспомнит больше. Наверное, из числа участников соревнования стоит исключить ребенка, который сам наряжал елку и мог изучить ее заранее.

Валенок как мишень

Ватными снежками играющие стараются попасть в стоящий на полу большой валенок.

Фото В. Воронова

Пожалуй, самым известным символом Китая во всем мире являются большие панды, однако в последнее

время их существование как вида находится под угрозой. На сегодня в природе насчитывается около 1600 больших панд, в неволе содержится еще около 200. Центр по исследованию панд «Чэнду» в китайской провинции Сычуань занимается их разведением и выращиванием с 1987 года — тогда значительная часть бамбуковых зарослей региона, являющихся средой обитания этих животных, погибла. Всего в центре содержится около сотни больших панд.

Совместно с Всемирным фондом дикой природы исследовательский центр «Чэнду» запустил «Проект Панда». Недавно в рамках проекта был проведен конкурс, шестеро финалистов которого получат возможность провести месяц в исследовательском центре, помогая его сотрудникам в уходе за пандами и изучении этих животных. Заявки на участие в нем подали более 60 тысяч человек со всего мира. Победителями стали представители Швеции, Соединенных Штатов, Франции, Китая, Японии и Тайваня.

Али Шакорян, финалист из Швеции, покoren этими черно-белыми медведями. «Я готов делать это без остановки, кормить панд так здорово, — говорит он. — Они такие нежные создания и дарят тебе в ответ столько любви. Они любят яблоки и пироги».

Американка Эшли Робертсон готовит для панд особые пироги. «По запаху напоминают цветы, мне и самой хочется их попробовать», — говорит она.

Однако на заботе о пандах приятные обязанности финалистов не заканчиваются. Им также предстоит принять участие в кампании по привлечению внимания общественности к вопросам сохранения панд. Для

всего мира они станут «представителями панд».

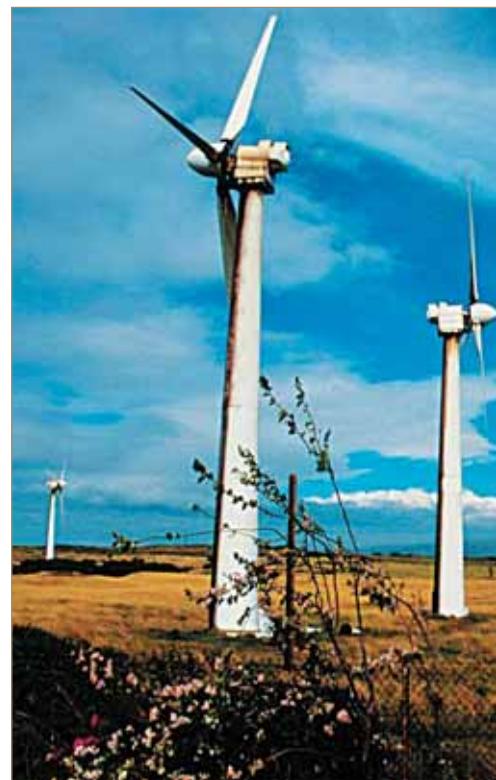
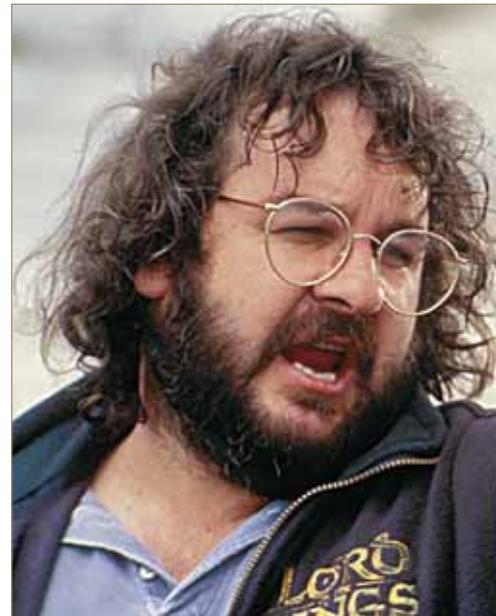
Стоит отметить, что панды, питающиеся в основном бамбуком и проводящие значительную часть су-

ток во сне, весьма плохо поддаются разведению. Китайские центры даже начали демонстрировать упрямым животным соответствующее видео, чтобы подтолкнуть их к спариванию.

Джонни Депп неожиданно для всех пришел в одну из лондонских начальных школ, ученица которой недавно написала ему письмо. 47-летний актер находился в британской столице по работе: он участвует в съемках очередного фильма из серии о пиратах Карибского моря. И школа, ученики которой получили столь щедрый подарок, находится не где-нибудь, а в Гринвиче — районе на юго-востоке Лондона, сыгравшем огромную роль в истории мореплавания. С прибытием голливудской звезды в учебном заведении было созвано заседание школьной ассамблеи — и Джонни Депп, облаченный в наряд капитана Джека Спарроу, вошел в зал в сопровождении других участников съемок, тоже наряженных во все пиратское. Актер показал детям письмо, в котором 9-летняя Беатрис обратилась к капитану Джеку с просьбой возглавить мятеж против учителей. Обращаясь к Беатрис, Депп заметил, что неподчинение взрослым может привести не к самым желанным результатам. Видеокадры неожиданного появления суперзвезды в простой гринвичской школе были затем направлены в программу детского канала Британской вещательной корпорации.

Студия «Warner Bros.» начинает съемки двухсерийного фильма «Хоббит» по книге Дж. Р. Толкиена. Проект

возглавит Питер Джексон, получивший «Оскара» за трилогию «Властелин колец». Однако совместит ли Джексон обязанности продюсера с работой режиссера, пока неизвестно.

О том, когда фильм может появиться в прокате, речь пока не идет. Ожидается, что общая стоимость фильма, который будет сниматься в новомодном цифровом формате 3D, составит 500 миллионов долларов. В качестве

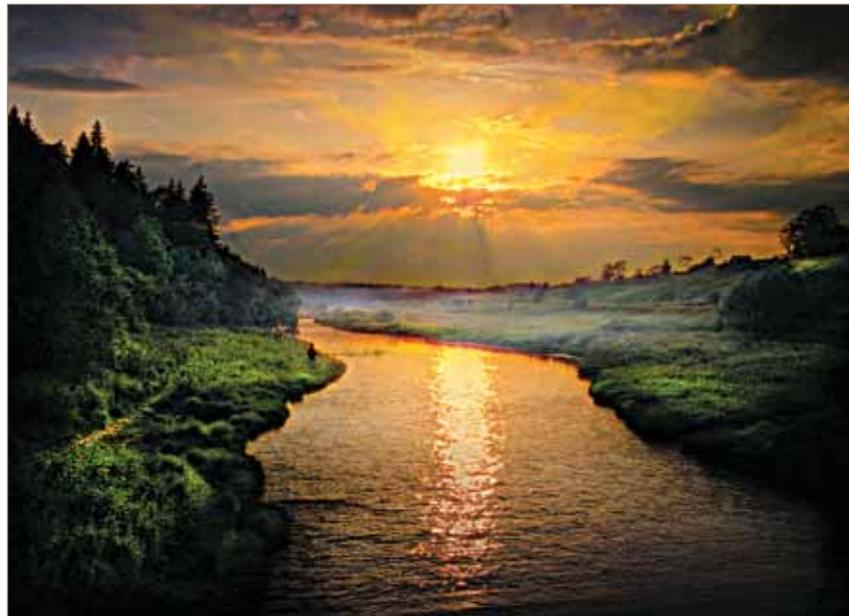
панорама

режиссера Джексон сначала выбрал мексиканца Гильермо дель Торо, однако в июне тот отказался от участия в проекте, сославшись на двухгодичные задержки со съемками.

съемочная площадка в Новой Зеландии будет свернута и перенесена в другое место. Однако сегодня директор фильма преисполнен оптимизма. «Съемки фильма о Средиземье Тол-

необходимости перекрасить ветряки. Исследователи полагают, что есть и другие факторы, влекущие к турбинам насекомых, птиц и летучих мышей. Это может быть тепло, выделяемое

киена превосходят все, что связано с обычной кинопродукцией, — утверждает Джексон. — Это путешествие с полным погружением в мир фантазии, красоты и драмы, и мы с нетерпением ждем новой встречи с Гэндальфом и Бильбо».

ветряками. Кроме того, если учесть тот факт, что летучие мыши определяют местонахождение предметов путем эхолокации, не исключено, что они просто не могут точно определить местонахождение движущихся лопастей ветряных турбин.

Цвет британских ветряных турбин, обычно белый или серый, привлекает насекомых, которые являются добычей птиц и летучих мышей. Возможно, это объясняет случаи гибели последних вблизи энергоагрегатов. По мнению специалистов, пернатые и рукокрылые в погоне за насекомыми просто не замечают вращающихся лопастей и гибнут под их ударами. Раньше высказывались гипотезы о том, что насекомых каким-то образом привлекает сама конструкция ветряков, однако до настоящего времени этот вопрос скрупулезно не изучался. Были проведены замеры, как меняется количество слетающих на турбины насекомых в зависимости от цвета ветряков. Выяснилось, что лишь один цвет может соперничать по популярности с белым и светло-серым цветами — желтый. Также выяснилось, что меньше всего насекомых привлекает фиолетовый цвет.

По мнению ученых, результат их научных изысканий не говорит о

Реки в мировом масштабе так пострадали от человеческой деятельности, что водная безопасность почти пять миллиардов человек и выживание тысяч водных видов растений и животных оказались под угрозой, предупреждают ученые.

Исследование, проведенное организациями по всему земному шару, стало первым одновременным взглядом на все виды воздействия человека на воду — от плотин и водоемов до ирригации и загрязнений. Оно рисует устрашающую картину мира, реки которого всерьез истощены.

Развивающиеся страны страдают как от угроз безопасности воды, так и от угроз биоразнообразию, в особенности в Африке и в Центральной Азии. Но авторы исследования удивились масштабам угрозы дикой природе в богатых странах: «Мы рот разинули, когда узнали, что один из самых высоких уровней угрозы в мире — в Соединенных Штатах и в Европе».

Не далее как в сентябре Джексон и вовсе предупредил, что из-за постоянных споров с актерским профсоюзом, требующим повышения оплаты труда, работы над фильмом могут вовсе прекратиться или

Добиньи

1817, 15 февраля. В Париже, в семье бедного и малоизвестного художника-пейзажиста Добиньи родился сын, которого стали звать Шарль Франсуа. Единственными игрушками мальчика были засохшие тюбики с красками, старые кисти, карандаши. Поэтому он научился пользоваться карандашами раньше, чем ложкой. Но отец совсем не стремился передать ему свое мастерство: не хотел, чтобы сын так же страдал от бедности, как и он. Но ничему другому он научить его не мог.

Однажды летом мальчика удалось отправить в деревушку Вальмондуа, недалеко от Парижа. Детские впечатления от простых радостей деревенской жизни, чувство бесконечного простора помогли рождению того мира, который сделал его большим мастером. А пока ему приходилось под руководством отца клеить и расписывать шкатулки. Они пользовались большим спросом. Шарль Франсуа стал откладывать кое-что из заработка: он мечтал поехать в Италию.

1836. Вместе с приятелем отправляется в путешествие. До Тулона добирались пешком, дилижансом, потом на корабле отплыли в Италию. Около года продолжалось странствие; друзья не гнушались никакой работой, чтобы иметь возможность посмотреть все, что хотелось.

1838. Впервые выставляется в Салоне с картиной «Вид на собор Парижской Богоматери и остров Сен-Луи». Итальянские пейзажи оставили молодого художника равнодушным. Критика была к нему благосклонна, но никто не торопился с заказами. Поступает на работу в реставрационные мастерские, берется за поделки, которые хорошо продавались. Вместе с несколькими друзьями-художниками организует коммуну: вместе живут, заработки складывают в одну кассу; небольшие накопления поочередно получает каждый, чтобы иметь возможность заниматься творчеством.

1839–1840. Благодаря помощи друзей Шарль Франсуа создает картину «Святой Иероним в пустыне». Она имеет успех на выставке в Салоне, что придает молодому художнику уверенность в себе. Решает участвовать в конкурсе на Римскую премию. Но он нигде не учился. Ему удается поступить в мастерскую известного художника Поля Делароша, где с первых же занятий идет одним из первых. Благодаря новым знакомствам получает заказы на иллюстрации к книгам Виктора Гюго, Эжена Сю. Римскую премию он не получил, потому что забыл вовремя явиться за конкурсным заданием. Мастерскую же Делароша скоро оставляет.

1846. Женится, рождается сын Карл Пьер, ставший помощником отца, а потом художником-пейзажистом.

1850–1851. Увлекается техникой офорта. Издает серию офортов. За офорт одной из картин Клода Лорена получает медаль.

1852. Выставляет в Салоне большое полотно «Жатва» (**репродукция**). Оно имеет неожиданно шумный успех. Братья Гонкуры восторженно писали, что лучше «никто не передавал раскаленную атмосферу жатвы». Большие размеры полотна (135 на 196 сантиметров) помогли художнику показать бесконечные просторы; небо, занимающее почти половину полотна, уводит наш взгляд в глубину. Эпический пафос картины сочетается с ощущением сопричастности и этим просторам, и этому жаркому полдню, и занятым нелегким трудом

крестьянам. Вместе с тем зрителя наполняет ощущение полноты жизни и ее бесконечности.

Знакомится с Камилем Коро, который приглашает его вместе поработать на этюдах в местечко Оптево на юго-востоке Франции. Шарль Франсуа очарован атмосферой спокойной деревенской жизни — «великим спокойствием природы». Он находится под обаянием личности Коро и поэзии его пейзажей. Так же, как Коро, он преисполнился желанием постичь таинство рассветов и закатов, свое чувство единства с природой. Но он не так романтичен, как Коро; выбирает простые мотивы, стремится к правде обыденного.

Он пишет другу, что не хочет возвращаться в места, которые поразили его своей необычной красотой: «Мне хочется изображать рабочую жизнь деревни, а... здесь всюду чувствуется присутствие пастушка Терсиса и прекрасной Галатеи. Куча навоза здесь будет вас смущать».

Знакомится с художниками-барбизонцами. Они признают его своим, настолько он близок им своим желанием писать на натуре, стремлением сделать пейзаж одним из важнейших живописных жанров. И, конечно, широкими, свободными приемами письма. Добиньи нередко причисляют к барбизонцам, но в самом Барбизоне он никогда не работал.

1857. Покупает лодку, оборудует в ней мастерскую; теперь он может путешествовать и работать, не выходя из дома. Он плавает по Сене, Уазе. Это счастливейшие дни его жизни. «Лодочные пейзажи» пользуются успехом. Он уже ээтр, его удостаивают ордена Почетного Легиона.

1860. Решает приобрести землю в Овере, построить мастерскую и жить там большую часть года: «...Мне будет хорошо в деревне, где еще нет паровых плугов». Перевозит в Овер семью; в Париж он навещает лишь по делам выставок.

1863. Создает «Сбор винограда», одно из самых знаменитых своих полотен. По теме и стилистике оно близко картинам Милле.

Середина 1860-х. Добиньи начинает работать в новой манере. Она порой напоминает импрессионистическую манеру, особенно в полотне «Закат на Уазе». Лирическое настроение создает контраст освещенного неба и погружаемой в темноту группы деревьев. Именно тогда рождается его знаменитая фраза: «У света есть свой язык». Критике этот язык оказался непонятен.

1868. Будучи избранным членом жюри Салона, помогает выставиться Клоду Моне, Огюсту Ренуару и другим. Моне он спасает от голодной смерти, познакомив с известным продавцом картин. Одним из первых Добиньи увидел в импрессионистах продолжателей традиций французской пейзажной живописи.

1878, 19 февраля. Умирает в Париже; хоронят его на кладбище Пер-Лашез.

Добиньи умер знаменитым. Но слава его не грела, он к ней не стремился. Свои прекрасные пейзажи он называл этюдами. Он постоянно совершенствовался. Его друг и биограф писал: «Добиньи внес в пейзаж новую палитру и новое чувство. Он достиг верности, гибкости, свежести, интимного очарования. Ему оставалось приобрести силу... Вместо того чтобы конкретизировать, как до сих пор, он захотел расширить содержание своих картин, внести замысел в картину, одним словом, творить!» Но воплотить эти замыслы он не успел.

У Добиньи учились такие разные пейзажисты, как Алексей Саврасов, Клод Моне, Ван Гог. После смерти Добиньи и смерти его вдовы Ваг Гог приехал в Овер, где работал художник, и написал «Сад Добиньи», чтобы оставить память о местах, вдохновлявших великого пейзажиста.

Л. Осипова

Фото Ильи Цицина